

ЭПОХА СПЯЩИХ БОГОВ

АНДРЕЙ ЕРОФЕЕВ

Андрей Ерофеев
Эпоха спящих богов

«Автор»

2020

Ерофеев А.

Эпоха спящих богов / А. Ерофеев — «Автор», 2020

Длительная, на века изоляция одним мирам идёт на пользу, другие приводит к гибели. Но ни один мир не может чувствовать себя в безопасности, пока не успокоились волны разразившегося тысячелетия тому назад катаклизма. Окончательно укротить их по силам только тем, кто докопается до первоисточков и найдёт в себе силы и желание встать вровень с богами.

© Ерофеев А., 2020

© Автор, 2020

Андрей Ерофеев

Эпоха спящих богов

Пролог

Ярослав сидел, вперив взгляд в увесистую кипу листков, исписанных неровным размашистым почерком, и вот уже целых полчаса не мог собраться с духом и приступить к их чтению.

Он никак не мог поверить в то, что нет больше рядом ни Кости, ни Даши. Но хочешь, не хочешь, а придётся теперь с этим жить.

Ярослав тяжело вздохнул и взял в руки верхний листок.

Сверху на листке было тщательно выведено крупными буквами: «Пояснительная записка».

– Ну-ну, – пробормотал Ярослав. – Даже любопытно, что такого ты можешь мне пояснить, чего бы я сам не знал.

«Ярик, я старался как мог. Но ты ведь знаешь – я не мастер отчёты штамповать. Так что извини: как уж вышло.

Заранее согласен со всем, что ты скажешь. Излишне эмоционально. Крайне субъективно. Да и хронология местами хромает. Не отчёт, а беллетристика какая-то. Всё так.

Более того, я позволил себе расширить отчёт заимствованиями из сторонних источников. Но ты убедишься, что без них он был бы скуден и маловразумителен.

Так что в целом же, думаю, я вполне справился с последним твоим заданием.

Ну вот и всё вроде бы. Кто бы мог подумать, что так оно обернётся, правда?

Мой прощальный подарок тебе. Не прими за напутствие – к науке он никакого отношения не имеет. Просто навеяло, пока корпел над твоим заданием.

И ярк лампы свет.

И марок карандаш.

За то, чтоб длилась ночь,

Сейчас ты всё отдашь.

Когда придёт рассвет,

Стирая все мечты.

Погибнет и кураж,

Обычным станешь ты.

И снова куча дел,

Забот и просто мук.

Потёкший утром кран.

Сломавшийся утюг...

И в этой суете

усталых дум и рук

Мечтаешь не о сне.

А чтоб порвался круг.

И как наступит ночь,

Утешив всех вокруг,

Ты тихо улизнёшь

туда, где нет потуг.

И снова ярк свет.

Послушен карандаш.

За то, чтоб длилась ночь,

Сейчас ты всё отдашь.

Не забывай мечтать!

Твой неизбывный друг Карлуша.

Хотя нет, не так. Это ведь официальный документ. Ну, или выдающий себя за таковой.

Словом, полевой разведчик Константин Арл рапорт окончил.

Прощай!»

– Вот неугомонный. Всё бы ему шуточки, – хмыкнул в стопку бумаг Ярослав. – Что ж, давай ознакомимся с тем, что ты тут наваял, разведчик полевой. Теперь-то мог бы и поинтереснее должность себе сочинить.

Глава первая

После казни

Устав от скудных будней,

Шагнул за край.

Душе там было скудно.

Здесь – рай.

Ровно год тому назад меня казнили. За что? Это, в принципе, не имеет никакого значения – всякое в жизни случается. У каждого. Формальный повод найти не трудно. Тут важнее – а мне-то что с того?

С одной стороны, не каждому так везёт. С другой – не я первый, не я последний. Казнили, и казнили. День выбрали так себе – уныло-промозглый, хоть самому с тоски в петлю лезь. Планов особых я на этот день не строил. Так что ничего и не потерял.

Так мне казалось накануне казни. Да и первые дни после неё несколько не омрачили моих светлых надежд. А потом такая дребедень началась – ни в сказке сказать, ни пером описать. Но придётся. Даже у нас тут без отчётности никак не обойтись.

Началась новая моя жизнь с того, что про меня забыли, как я думал. За несколько последующих дней – лишь кратковременные явления докторского вида молчаливых типов, то подключавших меня к неким аппаратам, то пичкавших разного рода таблетками и уколами. Издёргался я до нервного тика, ожидая хоть каких-то событий в том санатории одиночного типа, куда меня засунули после экзекуции. Еда, грех жаловаться, была на высшем уровне. Опять же в моих апартаментах был шикарный бассейн и великолепно оборудованный тренажёрный зал. На этом всё. Ни словечком ни с кем не перекинуться, ни элементарную пульку расписать. И вот, наконец, по мою душу явились.

Да не абы кто, а сам Ярослав Залыгин, руководитель Конторы – организации, в которой мне теперь и предстояло трудиться. По совместительству – лучший друг. И я пока не знал, облегчает сей факт мою участь или же совсем наоборот.

– Карлуша, как себя чувствуешь? Кстати, как пережил казнь? Таблеточки по расписанию принимать не забываешь? А то подхватишь на какой-нибудь трухляндии заразу, лечи тебя потом... – Ярик в своем репертуаре: ни «здрасьти», ни «прости» – с места в карьер.

– И тебе привет.

– Давай быстро пробежимся по формалитету, а потом, смакуя долго и подробно, поделимся с тем, как тебе жить дальше. Хотя бы ближайших пару-тройку недель – глубже на первый раз заглядывать не будем.

– Нормально пережил... – едва успел вставить я свои три копейки в скороговорку новоприобретённого начальства.

– Что? – Ярослав, совершенно не обращая внимания на мой насупленный вид, основательно устраивался за рабочим столом: одну за другой доставал из портфеля какие-то папки, блокноты и распределял их по поверхности стола. – А! Вот и хорошо. Аппаратура вроде как никаких изъянов в твоём организме не зафиксировала. Общий физический и душевный фон в норме. Но какой-то ты заторможенный, Карлуша...

– Да вы меня тут полторы недели промариновали. А в твоей речевой галоп мало кто... – опять я не успел закончить фразы.

– Итак, Константин Арл. Полных лет – 34. Холост... – бормотал Ярослав, уткнувшись в одну из раскрытых папок.

– В порочащих связях не замечен, и так далее и тому подобное. Ты кому сейчас все это рассказываешь, Яр? Мне? Себе? – не выдержав, заорал я. И это, похоже, возымело нужный эффект, поскольку мне удалось вызволить друга из чиновничьей ипостаси.

– Хорошо, – вздохнул Ярик и отпихнул от себя все бумаги. – Так и запишем: перенёс медико-лабораторный период без патологических изменений. По-прежнему не в меру ворчлив, в меру критичен и судорожно нетерпелив.

– Яrrrrr! Заканчивай, по-хорошему прошу!!!

– Как скажешь, Карлуша. К делу, так к делу.

– И хватит уже с меня этой детской клички! Будь добр...

– А вот тут извини, Константин Алексеевич. Теперь ты по всем официальным бумагам – Карл, – Ярослав хлопнул ладошкой по стопке лежащих перед ним папок. – И скажи спасибо, что новое имя почти всю прежнюю родословную в себе хранит. Вот Карлом в новый мир и пойдёшь. Точнее, исхожен и изучен он уже вдоль и поперёк. Но для вхождения в тему, практикант Карл, он тебе более чем подходит.

– Когда? – моё нетерпение давно уже вышло за грань дозволенного, и я был совершенно не в том настроении, чтобы с этим бороться.

– Не торопи любовь. Через два дня отправишься. А пока что знакомься с вводными, – Яр передал мне серебристо-пепельный диск с ладонь величиной, и у меня сразу возникло ощущение *обретения*. Будто я стал полнее – не в физическом, в каком-то ментальном плане. Цельнее, что ли. Хотя и ощущения ущербности себя былого тоже не появилось. Был одним, стал другим. Апгрейднутым. Корявое определение. Но лучшего не подобрать. – Это твой персональный опекун – операционный комплекс универсальной навигации. Некоторые твои будущие коллеги рекут его ангелом-хранителем, ну или просто ангелом. Не нравится им, видите ли, сама концепция опекунства над собой.

– А...

– А ангел – правильное ангэл, но так неудобно, слух режет, – потому как анализатор глобальных экзопланетных латералий. Ну и вместе с тем хранитель невообразимой бездны информации и твоей шкуры в разного рода передрыгах. По ходу сам разберёшься в своих с ним отношениях.

– Лате... чего? – только успел я промычать, как тут же и получил ответ на свой вопрос – ангел сработал. В общем, если пренебречь неизбежной притянутостью за уши расшифровок аббревиатур, в сухом остатке получим банальное межпространственное и межвременное взаимодействие миров. И думы о том, где и когда это получается хорошо или не очень.

– Судя по просветлевшему взору, Карлуша, опекун подтвердил своё согласие считать вас сродниками. Ну и славно. Мне меньше менторствовать. А отправляетесь вы с ним на Недельку. На недельку, до второго, – напевая, Яр материализовал перед собой ещё один объёмистый портфель – чемодан почти – прилично потёртой иссиня-черной кожи, – я уеду...

– Как на недельку? Ты говорил минимум на пару?

– Вот снова-здорово. Опекун твой уснул, что ли, – Яр начал что-то чертить пальцем на переднем клапане несессера-переростка, тот раскрылся и взору явились три в ряд искрящиеся бордовым светом пузатые бутылки, с одной стороны огороженные буханкой белого, с другой – приличным куском ветчины в полупрозрачной обёртке, – с самой Лигурии! – такого благоговения в лице и голосе Ярика я не наблюдал уже... Да, пожалуй, никогда не наблюдал. Даже в тот день – лет этак тридцать тому назад, – когда друг мой в первый раз влез в недра родительского системника и мечтательно раскурочил его до полного хлама.

– Ну что, Костя, давай попросимся. С Костей, – ответил он на моё не озвученное недоумение. – И – с возрождением!

Почему казнь? Наш мир не любит странностей, отклонений и тайн. Точнее – обожает, на уровне сплетен. Но никогда не воспримет всерьёз и не станет считать полновесной составляющей своей жизни. А те немногие несчастные, кто готов принять на веру любую, в общем понимании, нелепицу, – выбирают из двух зол. Либо смириться с установленными границами, обрасти привязанностями, повседневными обыденными заботами и жить «как все», неся на себе печать некой чужаковатости – у кого-то милой, у кого-то болезненной. Либо, как я, исчезнуть. И жить дальше вне условностей и границ.

Одни теряются. Другие якобы гибнут в катастрофах и авариях. Третьи – идут на казнь. Выпендрёж, конечно. Нарциссизм в определенной степени, да. Но для меня это был ещё и способ выматериться перед уходом. На всё это чванство, безумную веру в «избранность», слепую жажду иметь всё и всех, тупое отрицание самой простой истины: умение отдавать – самый ценный талант человека.

Я спалил дворец. Обычный такой нуворишский «домишко», безвкусно раскинувшийся на нескольких заповедных гектарах. С эстетической точки зрения человечество потеряло столько же, сколько от развалившегося свинарника деревни Гадюкино. Обслугу загодя распугал пальбой из дробовика. «Хозяева» же в этот момент, как и было запланировано, изволили отсутствовать. Так что обошлось без жертв. Но хвост я подпалил такой птице, что медийный пожар разгорелся нешуточный. И суд надо мной решили устроить образцово-показательный. Мол, чтобы другим не повадно было.

Сам я весь процесс вёл себя скромно и смиренно. По большей части отмалчивался. В качестве последнего слова проскандировал наспех сочинённый лимерик:

*Суета сует,
Пустота пустот.
Человека нет.
Человек не тот.
Где-то вышел сдвиг.
Надломилась ось.
Горло давит крик –
Небывалый гость.
Скоро будет суд
Страшный и святой.
И меня распнут.
И весь мир со мной.*

Суд принял во внимание моё примерное поведение во время процесса и счёл его за какое-никакое раскаяние. Поэтому мне не вlepили пожизненную каторгу, а просто приговорили к казни. Гуманной. Укол сыворотки. Для судей и публики – смертельной. Но они ведь не знали, что исполнять приговор будет человек Конторы. Так что вкололи мне не яд, а снотворное с некоторыми хитрыми добавками. Которое навсегда стёрло меня из реалий родного мира и увело к дверям миров многих и многих.

Сажу на лавочке в парке. Ангел вещает. Я внимаю, блаженно шурясь. Пьянят ароматы зрелой приморской весны (хотя, насколько я уяснил местную географию, отсель до моря никак не меньше трёх тысяч километров). Охристое солнце не слепит, не жарит – хорошо! Живём! И едва успеваю мало-мальски вникнуть что здесь да как, воздух пронзает звонкое:

– Вы не местный, да?
– И вам не хворать, – вот те на, думаю.

– Ну точно! Тогда вы мне и поможете. Вставайте, идём! Не то опоздаем, – девица лет двадцати пяти – двадцати семи в легком облегающем комбинезоне уже тянет меня за руку.

– Стоп, стоп, стоп, – скороговоркой выпаливаю, оторопело вжимаясь в скамейку. – Что значит – не местный, с чего вы взяли...

– Всё по дороге, идёмте же, – и она с удивительной лёгкостью отдирает меня от сиденья (а я, уж поверьте, упирался из всех сил) и тянет по аллее к виднеющейся в просвете улице.

Ангел бездействует. То ли опасности для меня нет, то ли тоже в ступор от такой наглости впал. Последнее – вряд ли. Но мне что-то не по себе. Практика практикой. Но мир-то чужой, незнакомый. И это её: «вы ведь не местный»... Да что вообще происходит??? Быстро гашу нарождающуюся панику привычной осанной: «А, ладно, по ходу дела разберёмся».

– Что за спешка? И как, кстати, Вас зовут? Меня – Карл.

– Вот. Я же говорю. И имя странное. Вы точно тот, кто мне нужен. Точнее папе. Идёмте же быстрее. Суд скоро начнётся.

– Да что же Вы заладили – идёмте, да идёмте.

– Дарина. Меня зовут Дарина. И если мы через 10 минут не зарегистрируемся на процесс – точнее Вы, – у папы нет шансов. Тут не далеко, пару кварталов, – под эти слова в темпе хорошего велосипедиста мы уже вырливались из парка.

«Да, воздух здесь хорош. – отметил я про себя. – Дома, пожалуй, уже запыхаться начал бы... Тьфу, вот насколько левые и идиотские мысли в такой момент в голову лезут».

«Отчего же. Похвальная наблюдательность. Прекрасное самообладание в стрессовой ситуации», – проявил себя мой опекун.

«О, ангел, и ты тут. Значит, не впал в ступор».

«Я теперь всегда, как ты изволил выразиться, *тут*. И в ступор не могу впасть как по определению, так и по функциональному предназначению», – парировал ангел.

«Ты иронизируешь или умничаешь? Лучше подскажи, что творится?» – происходящее всё больше беспокоило меня.

«Ничего опасного. Сейчас сам всё узнаешь», – безапелляционно заявил ангел и умолк.

Тьфу, вот тебе и хранитель. Ладно, прорвёмся.

– У вас ручка с собой? – неожиданно заинтересовалась Дарина.

– Что?

– Нет? Это плохо. Хотя, в соседнем доме...

– Да есть у меня ручка.

– А она синяя?

– Синяя.

– Отлично. Нам сюда, – девица как вкопанная застывает у двойных стеклянных дверей. По инерции пролетаю ещё метра три дальше по улице. «Ну что за недотёпа», – на её личике (очень даже симпатичном. И волосы потрясающе красивые – пышные, слегка выющиеся, в цвет местного солнца) читаю нескрываемую досаду. И пока она от нетерпения и всё той же досады притопывает правой ножкой, я уже тут как тут.

Дарина подается к дверям, и те спешно разбегаются в стороны. Мчимся куда-то вверх по лестнице. Третий этаж. Направо. Снова спешащие спрятаться в стены бликующие створки.

– Есть! У меня есть Непредвзятый! – Дарина, как накануне в парке, звонко вспарывает тишину огромного зала.

– Начинаем, – тихим будничным скрипом прошелестело в ответ над рядами сидений, на которых расположились человек триста, не меньше.

Девица протягивает меня сквозь ряды вперед, к подиуму, на котором высится вполне себе узнаваемое судебное застолье. Вулканической магмой вновь начинает вздыматься тревога: «Провалился! Даже не на первом задании, тупо на ознакомительной вылазке! – во мне явно начала вызреть паника. – Да во что же это я вляпался??? АНГЕЛ!!!»

«Не нужно так кричать. Я тебя слышу даже лучше, чем ты сам себя», – не замедлил тот с ответом.

«Так вытаскивай меня отсюда!»

«Успокойся. Этот суд не над тобой. Здесь ты просто наблюдатель – как и положено практиканту».

«Наблюдают со стороны, а меня, если ты не заметил, во что-то активно втягивают», – спокойная уверенность опекуна поубавила во мне сомнений, но полностью опасения так пока и не спешили удалиться восвояси.

«Наблюдать можно по-разному. Не волнуйся. Тебе будет интересно. И совсем не больно», – какими-то совсем уж не механическими аргументами начал оперировать ангел.

«Издеваешься?!»

«Ничуть. Факты констатирую».

Да тьфу на него ещё раз...

В этот момент Дарина дотягивает меня до главы застолья. Обойдя подиум, по ступенькам возносимся непосредственно к нему. Всё как положено: мантия, молоточек, отрешённость во взгляде. Парика почему-то нет. Армейская стрижка, едва ли не под «ноль».

– Покажите ручку, – шелестит бесстрастное. – Хорошо. Напишите здесь полное имя. Вслух не произносите. И займите своё место.

На чистом листе бумаги стандартного четвертого формата обозначаюсь. И в сопровождении Дарины встаю метрах в двух слева от судьи за высокую конторку.

– Прежде чем начать процесс, – как же это он так внятно шелестит, в очередной раз удивляюсь я, – должен спросить почтенную публику: знает ли кто-нибудь этого человека и его имя? – взмах молоточком в мою сторону. – Нет? Приступим.

– Что скажет общество?

– Виновен!

– Непредвзятый?

– Невиновен.

– Слушание дела по существу переносится на завтра, – удар молотком. – Обвиняемый будет подвергнут процедуре развоплощения.

Минут через пятнадцать сидим с Дариной в какой-то местной кафешке за трёхлепестковым столиком. Конструкция странная, но вполне комфортная – вроде как вместе трапезничаем, тет-а-тет полновесный, но в то же время тарелками не стукаемся. Еда несколько необычна и на вид, и на вкус. Зеленоватый бифштекс железной консистенции и некий сложносочинённый гарнир радостно розового цвета слегка приправлены то ли анисом, то ли вальерьянкой. По крайней мере, мне так кажется. Но улетаю за обе щеки, нагулял аппетит по полной.

Дарина что-то потягивает из уложенной в плоскую спираль трубочки матового стекла с высоким медным мундштуком. В эту «плюху» добрая тарелка борща войдёт, думаю.

– Уверены, что с Вашим отцом всё в порядке? А то мы с Вами сейчас сидим тут, обедаем, а его там развоплощают, – решился я прервать затянувшееся молчание.

– Но ведь этого всё равно не избежать, – пожала Дарина плечами.

– Ага... А это плохо или хорошо? – пытаюсь хоть как-то прояснить ситуацию.

– Не знаю... – Дарина задумчиво рисовала что-то соломинкой на пузырящейся поверхности местного напитка. – Когда он вспомнит всё, что происходило с ним на прошлой неделе, тогда и поймём.

– Ага...

– Да что ты заладил – ага, да ага! – собеседница оставила соломинку в покое и с определённым раздражением посмотрела на меня.

«Ангел, а причём здесь ручка?» – спросил я опекуна, стараясь не обращать внимание на то, что меня только что записали в недоумки.

«Других вопросов нет?»

«Пока нет».

«У каждого гражданина должна быть ручка».

«А если нет – не взял с собой, потерял?» – настаивал я на своём.

«Тогда ты не гражданин. Именно в тот момент, когда ты без ручки».

«И?»

«И если бы обнаружилось, что у тебя нет ручки, ты бы уже сидел на месте отца Дарины».

«Ага... Да что ж меня заклонило на этом ага, в самом деле», – пробубнил я вместо ответа, пытаюсь сообразить, что же имеет ввиду мой опекун.

«Ответ нужен?»

«А есть?»

«Ага».

«Чувство юмора недавно прокачивать начал?» – завозмущался было я. Но тут же спохватился – да какое у железяки чувство юмора. И тут же получил в ответ ещё одну оплеуху.

«Врождённое, – с явными нотками усмешки в голосе обронил ангел. И добавил: – а ты давай, размышляй дальше. Глядишь, сам до всего дойдёшь».

Нет, это же надо... Какая-то неправильная в Конторе техника. И она даёт неправильные советы. Ничего, я ещё разберусь с твоими настройками, ангел мой, хранитель недоделанный... Или всё-таки следует всерьёз поразмыслить над сказанным опекуном?

– Карл... – прервала это самокопание втравившая меня в историю девица.

– Да, Дарина.

– Надеюсь, завтра у тебя найдётся время...

– До пятницы я совершенно свободен... Кстати, а как это ты так с ходу определила, что я не местный, да ещё и совершенно свеженький не местный? – задал я давно назревший вопрос.

– Так ты же переодеться не успел. И рубашка, и брюки у тебя синие. И ручка. Многие после дороги в нашем парке отдыхают. Вот я и бросилась туда.

– Ну да, конечно, – я тут же вспомнил, что удивило в суде, помимо, собственно моего скоростного туда прибытия: вся публика была разодета в одежды жёлто-оранжевых тонов. Вся, без исключения. Кстати, а как это мы так запросто перешли на ты? Да уж, быстрее всего сближают беды и непонятки... – Э-э, Дарина, а ты не могла бы посоветовать, где мне лучше остановиться?

– У меня.

– Вот так, запросто?

– В определённой степени я у тебя в долгу. В личном долгу. Ну а поскольку ты наш Непредвзятый, на период процесса наш дом – твой дом.

«Хм, и какой же я после этого буду Непредвзятый?» – рискнул я ещё раз обратиться к ангелу.

«Самый настоящий, патентованный: весь из себя не жёлтый, семьёй подсудимого ангажированный, от влияния остальных защищённый, – ожил тот в ответ. – Как и положено. А протокольный обмен любезностями ты провел на высшем уровне. Ни дать ни взять, дипломированный посол второго ранга».

«И если сейчас начну выёживаться и откажусь...»

«Другого Непредвзятую ей взять не позволят. Значит, отца непременно засудят. А ты провалишься. Сам ведь знаешь, незнание законов не освобождает от ответственности».

«Ну да, ну да... – на этот раз я решил более конструктивно выстроить диалог с опекуном. – Получается, либо я настолько обормот с их точки зрения, что и сам заслуживаю судеб-

ного порицания. Либо настолько не местный, что и подумать страшно. И тогда при прояснении обстоятельств...»

«Ты гарантированно устроишь им взрыв мозга», – было ощущение, что ангел подтрунивает надо мной.

«С чего это?»

«Ты сможешь в литровую бутылку вместить десять литров воды? Нет? Вот и они не волшебники, – как мог пытался прояснить сложившуюся ситуацию ангел. – Концепция многомерности миров попросту не поместится в их сознании. Вот так сразу, одномоментно. Вспомни, как долго Ярослав подводил тебя к мысли, что Борея – не единственная в своём роде.»

«Ага... – я вспомнил, насколько тяжело было Ярику достучаться до моего сознания и открыть для него истинное положение дел. – До меня далеко не сразу дошло, к чему он клонит. А уж до конца это принять до сих пор не выходит. Периодически ловлю себя на мысли – не розыгрыш ли всё это... Ну и какой же у нас альтернативный вариант? Скоропостижно составить компанию отцу Дарины? Такой исход событий меня совсем не прельщает...»

«И остаётся?»

«Ангел, ты эвакуаторщиком подрабатываешь? Или это твоя основная специализация? Не собираюсь я соскакивать с темы и спешно возвращаться в Контору, так и знай! Ангел?.. Ангел!» – А в ответ – тишина. Обиделся что ли? Он и такое может? Вот те на. А может просто решил не мешать мне самому разобраться в ситуации. Накидал пицци для размышлений и был таков.

– Ну, и какая у нас программа на вечер? – интересуюсь я уже у Дарины.

– Можно за покупками сходить. Тебе не мешало бы переодеться. Согласись, джинсы и водолазка – не самый подходящий наряд для процесса, в котором ты играешь не последнюю роль. Да и продукты домой купить нужно. Завтра ведь процесс так или иначе завершится...

Утро следующего дня. Никуда не торопимся, размеренно и плавно планируем к зданию суда. Высаживаемся. Наш автолайнер самостоятельно уплывает в сторону плоской крыши. Повторяется процедура осмотра ручки и препровождения за конторку.

Судья шелестит положенные формальности, а мне, наконец-то, удаётся детально разглядеть отца Дарины, сидящего за невысокой узкой партой по другую сторону от председательствующего на процессе. Как-то не похожи они – отец и дочь. Она – заряженная, полная жизни. Стройная, но не хрупкая. Порывистая, целеустремлённая, даже в чертах лица, даже в самом телосложении. Он – ну да, весьма преклонных лет (позднее отцовство? По всему выходит, что разница в возрасте никак не меньше четырёх десятков годочков). Но кряжист, крепок телом. А при всём том производит впечатление этакого божьего одуванчика: и седым пушком нимба, и каким-то не робким, нет, а именно застенчивым и отстранённо-задумчивым видом. Цвет глаз, взгляд у них совершенно разный: пронзительный льдисто-серый Дарины против безмятежно карего, успокаивающего её отца. Кстати, неплохо на нём костюмчик сидит, даром что цвета антикварной бронзы.

«Ну что ж, раз ты такой нелюбопытный, поясню сам, – вдруг оживает ангел. – Тебе не зря дали листы бумаги. И ручку проверили не просто на цвет чернил, но ещё и на их наличие.»

Точно. Весь жёлто-канареечный зал (это, конечно их дело, их мир, но до чего же нелепо выглядят иные из мужиков в лимонных лосинах) усердно строчит, записывая каждое слово судьи. Заглядываю через плечо Дарины, та столь же вдохновенно протоколирует всё, происходящее на судилище. Подсудимый безучастен к бумагомарательскому безумию, охватившему всех вокруг. И только руки его нет-нет да и вспархивают над партой, пальцы правой складываются в щепотку, и тут же кисти рук бессильно опадают назад на колени – нечем писать. И не на чем. Я присоединяюсь ко всеобщему порыву, кому хочется быть белой вороной.

– Развоплощение не дало определенных результатов, – а судья-то тоже не пишет. Не по рангу, однако. – Достоверно не установлен факт преступного умысла. Не выяснено также, был

ли это акт халатности или же имел место несчастный случай. Развоплощённая память господина Витино не хранит подробностей по существу дела. Прибегнем к показаниям свидетелей. Гражданин Ситаро, сосед обвиняемого, прошу Вас.

Некий долговязый тип в очках, торопливо вскакивая с места, вынимает из кармана длинного, до колен и оттого больше похожего на халат пуловера записную книжку:

– Вот, – он раскрывает её где-то ближе к задней обложке. – В тот день я встречался с господином Витино дважды. И оба раза на посадочной площадке дома. Утром и вечером. Необычно поздно вечером. Я работаю смотрителем площадки. Как правило, господин Витино возвращается домой в районе 18.30. В этот раз он приземлился... Я уже собирался передавать смену... Вот: в 21.47. Да, утром всё было в порядке. А к вечеру, согласно моим записям, уже всё случилось, что явно следовало из внешнего вида господина Витино.

– Спасибо. Кто выступит от имени коллег по работе?

– Я.

– Прошу Вас, гражданин Парито.

– Каждый из нас, а потом мы все вместе проанализировали записи того дня. Нет никаких сомнений в том, что случившееся никак не связано с нашей клиникой.

– Спасибо. Кто может выступить с показаниями о том, что происходило в то время, когда господин Витино покинул клинику, но ещё не добрался до дома?

Последовало целый ряд подобных бестолковых выступлений свидетелей прямо из зала. Творящееся на процессе казалось мне каким-то театром абсурда. Тем более я никак не мог уяснить, шла ли речь о преступлении. И если да – о каком. И тут – о чудо! – наступила ясность.

– Да, я уверена, что эта ручка принадлежит господину Витино, – ручка? Он что, убил кого-то шариковой ручкой? – На полочке именно у окна моей операционной кассы она была обнаружена.

– При каких обстоятельствах это произошло? – уточнил судья.

– Господин Витино, как и всегда во второй день цикла, проверял свои счета и подписывал необходимые бумаги. И неизменно своей ручкой, которую вынимал из верхнего накладного кармана пиджака. Хотя у нас стоят специальные ручки для клиентов...

– Ближе к делу, пожалуйста, гражданка Пакита, – прерывает зарождающийся поток излишних подробностей председатель процесса.

– Да, да, разумеется, – та сверилась с записями. – В этот час у нас было не много посетителей. Если быть точной, трое вместе с господином Витино. Гражданке Ренике неожиданно стало плохо, она потеряла сознание.

– Что произошло дальше?

– Все мы бросились ей на помощь. Господин Витино – он ведь врач – сделал всё необходимое, но привести гражданку Ренику в чувство не смог, сказал, что необходима срочная госпитализация, а затем на своём лайнере повез её в клинику. А когда всё улеглось, я заметила, что у окошка моей кассы лежит ручка господина Витино.

– Благодарим Вас, гражданка Пакита, – судья встал и медленно, даже торжественно вознёс до уровня своего лица элегантную вещицу. – Ваши записи помогли нам достоверно установить обстоятельства, при которых господин Витино лишился своей ручки. Приступаем к процедуре вынесения приговора.

Судья вновь сел. А люди в зале, напротив, начали по одному подниматься, произнося лишь одно слово: «Виновен».

Цикл, записи, ручки... Идиоты или вынужденные педанты? Скорее второе. Поскольку если первое – какого шута меня втравили в это балаганное представление? Хотя... Дурко-мир – тоже вариант. Мало ли какая у них там программа для практикантов разработана.

– Непредвзятый? – вот и до меня дело дошло.

– Не виновен, – бросился я в омут с головой, исходя из тех соображений, что я то шизу не ловил, а значит буду придерживаться берегов нормальности.

Нарастающий гул в зале в одно мгновение был подавлен шелестящим:

– Аргументируйте.

– Пользуясь презумпцией непредвзятости, хочу обратить внимание на два факта. Но прежде хотелось бы уточнить одну деталь: каково на данный момент состояние упомянутой в ходе заседания гражданки Реники?

Клинический коллега Витино тут же начал листать страницы своего блокнота и секунд пятнадцать спустя изрёк:

– Успешно прооперирована. Господином Витино лично. Из стационара выписана. На данный момент абсолютно здорова и на сто процентов дееспособна.

– Это и есть факт первый, – продолжаю я. – Господин Витино ценой потери главного атрибута гражданина спас для общества жизнь другого гражданина. Разве был в этом преступный умысел? Это даже не акт халатности. Это акт самопожертвования. И факт второй. Общество признало господина Витино виновным. Формально это так. Соглашусь. Но тем самым общество лишает себя не просто одного гражданина, прекрасного летописца к тому же, смею думать. Общество слепо наказывает того, кто буквально на днях спас для него бесценную человеческую жизнь. Более того, в силу специфики профессиональной деятельности сколько подобных случаев на счету господина Витино? Сколько их может – нет, *должно* быть в грядущем? Невинновен ради будущего каждого из граждан этого города, таков мой вердикт.

– Суду ясна Ваша позиция, Непредвзятый. Будут ли контраргументы?

Зал безмолвствует.

– Итак, господин Витино объявляется невинновым и восстанавливается во всех правах гражданина, – решительность судьи непреклонна. – Однако, учитывая тяжесть содеянного, гражданин Витино пожизненно приговаривается к ношению двух ручек, – стук молотка будто ставит печать в конце записей участников процесса.

– А почему ангел изначально не посвятил меня в нюансы жизни этой распроклятой Недельки? – первое, что я спросил у Ярослава, как только снова увиделся с ним а Конторе.

– Были на то причины. Даша, присоединяйся к нам, – Яр бросил взгляд в сторону двери и на пороге тут же материализовалась... Дарина.

– Да вы... Вы что же, всё это изначально подстроили? И Дарина – не абориген Недельки, а бесплатный экскурсовод от Конторы? Ну вот чувствовал я во всём этом что-то фарсовое, – возмущению моему, казалось, не будет предела.

– На самом деле Дарья, Даша. Она просто подстроила своё имя под местный колорит. Твоё имя там должно было звучать, к примеру, Карило. Выходила к ним горилла, им горилла говорила... – начал нести какую-то чушь Ярик. И откуда он набрался этих несуразных фразочек? – Но в данном случае в конспиративные детали – кои важны при визите в любой другой мир, кроме Недельки – мы углубляться не стали. Даша действительно один из инструкторов для новичков. И действительно Витино её отец. Приёмный. Обычное явление на Недельке. Там у тебя может быть сколь угодно много отцов, матерей, братьев, сестёр. Это цементирует их общество, лишённое долгосрочной памяти. Общие летописи делают жизнь проще и упорядоченнее. Но всё это ты уже и сам понял.

– Ну да, когда тебя бросают посередине моря, невольно научишься плавать, – немножко горделиво фыркнул я в ответ.

– Вот только не надо этих банальностей и бахвальства. Ты еще здесь мне брякни: «Таков мой вердикт!» – начальник с досадой махнул на меня рукой.

Даша прыснула. И даже ангел, как мне показалось, подхихикнул ей в ответ. Но не успел я возмутиться, как Ярослав продолжил, неодобрительно покачав головой в адрес Даши:

– Но в целом, должен признать, ты большой молодец. Не просто не растерялся, а даже и раскусил местную специфику в считанные часы. А потому заслужил... В общем, ещё раз знакомься. Дарья Лугина. Твой напарник. Вернее, глава вашей группы. У неё за плечами семь лет полевой работы. Опыт, сам понимаешь, – вот тут-то я, как говорится, и... сильно удивился. – Так вот. По её просьбе и единодушному одобрению руководства Конторы твоя практика была несколько нестандартной. По сути, ты не получил вводных по заданию. Так, базовую информацию о мире. Остальные получают полную картинку, до последних нюансов. А тебя хотели проверить в максимально стрессовой ситуации.

– Зачем? – моментально среагировал я.

– Девяносто девять процентов наших сотрудников – наблюдатели. Посредники в лучшем случае. И лишь один – разведчики. По всему выходило, что наблюдатель из тебя никудышный...

– Это ещё почему? – прервал я пояснения Ярослава. Вот пойми начальство – хвалит и тут же никудышным нарекает.

– По кочану, – тот опять досадливо взмахнул руками. – У тебя безбашенность доминирует над осторожностью. И если бы не твоя феноменальная везучесть, к Конторе на пушечный выстрел не подпустил бы. Ну а то, что ты практически мгновенно, на инстинктивном уровне принимаешь наилучшее в данный момент решение – это и есть самое важное, – Ярик заговорил как-то тихо, размеренно, будто сам себя в чём-то убеждал. – Да, сторониться ты не умеешь. Вон что на процессе отчебучил: нет чтоб прикинуться ветошью и не отсвечивать, в патентованные адвокаты полез. С другой стороны, дров не наломал. Из картины мира не выпал. Пожалуй, как-нибудь тебя и инструктором на Недельку запустить можно будет. Считаю, своим ты там стал... В общем так. Месяц интенсивной теоретической подготовки. Затем Даша погоняет тебя по Полигону, а там видно будет.

– Ангел подсказал защитный спич? – всё это время Дарья буквально дырявила меня взглядом.

– Да нет. Как-то само родилось.

– Он мне подходит, – бросила Даша в сторону Яра, по-прежнему задумчиво и даже как-то недоверчиво вглядываясь в моё лицо.

«Ангел, о чём это она – я про спич?»

«Шокирована твоим умом и проницательностью».

«Признаться, я тоже. Ничего не хочешь сказать по этому поводу?»

«Только одно – ты молодец».

Вот и поговорили.

– Да, кстати, ангела на теорию и полигон не берёшь, – Яр протягивает руку за медальоном.

– Это почему?

– По второму кочану. Вот вроде умный, а вопросы глупые задаёшь. Хотя, хорошо, что задаёшь. Иначе бы не был таким умным... Ему и там, и там скучно будет. Да и тебе Полигон прогулкой по городскому парку обернётся, если ангела с собой возьмёшь: приятно, но бесполезно.

– За комплимент спасибо. Коли такой карт-бланш мне выдал, позволю себе полюбопытствовать, – решил я либо развеять, либо подтвердить свои сомнения о природе опекуна. – Ты говорил, что ангел исключительно на меня настроен. Как же вы его подбили на такую авантюру – оставить меня на Недельке без подробных инструкций?

– Во-первых, ничего подобного я не говорил, – запротестовал Ярик. – Как раз наоборот. Ангела невозможно на кого-то или на что-то настроить. Он сам выбирает и опекаемого, и порядок своих с ним взаимоотношений. Во-вторых, задачи ангела и Конторы в данном случае совпали. Только и всего.

– Так значит...

– Да. Ангелы – это не технические устройства, созданные Конторой. Как я тебе уже говорил, со временем сам во всём разберёшься. Настолько, насколько ангел позволит. И твоя врождённая пронизательность. Могу добавить только одно: ангелы тоже разные бывают. Твой, например, уникален в своем роде – тяготеет к активной разведке. В некоторых мирах он изрядно наследил. Впрочем, стоп. Здесь граница моей компетенции уже заканчивается, – срочно закруглился Ярик в своих откровениях.

«Ангел...» – и как мне теперь общаться с тобой. Вот заведётся в голове невесть что и мучайся потом. И не пожалуешься никому – сам ведь впустил.

«Да».

«И теперь ничего не хочешь сказать?»

«Удачи на Полигоне».

«А у тебя, наверное, и имя есть?»

«Конечно».

«И?»

«Пока не время».

Н-дя, дела.

– Ну что, Даша, а может ну её – теорию и сразу на Полигон? – Я решил махнуть рукой на новые непонятки и дать отдохнуть моему бедному мозгу. А что для него лучший отдых? Естественно, полная отключка на время тяжелых физических занятий. Впрочем, как показало время, и здесь я ошибался. При близком знакомстве выяснилось, что полигон Конторы не имел ничего общего с моими представлениями о том, как должен быть устроен нормальный полигон. Но об этом позже. А в этот вечер помощь ко мне пришла откуда и не ждал – от Ярика.

– Э, нет, во-первых – никаких «ну её». Во-вторых, все обсуждения подождут до завтра, – вместо Дарьи ответил мне старый друг и жестом завязанного рефери пресёк продолжение деловой части разговора. Расплывшись в улыбке, он начал привычно колдовать над знакомым мне уже лигурийским портфелищем. Ага. Что называется, вечер перестаёт быть томным. И это хорошо.

Ирония моих менторов – после суда земного попасть в мир беспристрастных судей. И ведь какая колоссальная разница в самих основополагающих принципах мироустройства. В моём родном – таком простом и понятном – полный бардак и абсолютно невразумительная, утилитарная и во многом бесчеловечная социальная иерархия.

На Недельке же – в мире, где люди вынуждены записывать каждое мгновение своей жизни, поскольку в понедельник они просыпаются с девственной памятью – установлен совершенно уникальный уклад жизни.

Яр мне продвигал какую-то заумь про хвост кометы, еженедельно оставляющей газовый след в атмосфере планеты, что, в свою очередь, приводит к непоправимым нарушениям связей между нейронами коры головного мозга обитателей Недельки. Но заумь пусть умникам и остаётся. В реальности же получаем вот что.

С социальными и профессиональными навыками на Недельке всё в полном порядке. Как и положено, мастерство растёт с годами и опытом. Эмоциональные привязанности укрепляются и множатся в течение всей жизни. Но конкретные факты, события повседневности стираются из памяти недельчан всякий раз, как над планетой пролетает хвостатая bestия. Не знаю, какой уж был календарь на Недельке до неё, но теперь он полностью подчинен кометному циклу.

Так и живут, с блокнотом и ручкой наперевес. Понедельник, ну или первый день – выходной. Читают свои прошлые записи. Ходят друг другу в гости, собираются компаниями и помогают друг другу, скажем так, «вспомнить всё». По мере сил и возможностей. Дубликаты записей сдаются в общий архив.

Судьи в одном лице исполняют обязанности защитника правопорядка, дознавателя и вершителя приговора. Окончательного и беспрекословного. И работы у них больше всего именно на низовом уровне. Они следят за тем, чтобы каждая ручка была при своём гражданине. Ну, и наоборот. И подобный процесс, участником которого мне довелось стать, явление экстраординарное, крайне редкое. В девяносто девяти случаях из ста заканчивающееся лишением провинившегося статуса гражданина.

По словам Даши, потеря ручки – проявление крайней безответственности индивида. И единственное деяние, считающееся на Недельке преступлением. Иных попросту не бывает. Подробнейшее протоколирование слов, действий, эмоций всех и каждого словно отменило саму возможность неправильного или несправедливого с точки зрения здоровой морали поступка. Вот уж хвала комете!

– А что происходит с теми несчастными, кому выносятся обвинительный приговор? – поинтересовался я у Даши.

– Они лишаются статуса гражданина.

– Да, да. Это я и так понял. Минус один гражданин, плюс один господин. И что?

– Понимаешь, это беда для всех, – печально ответила Даша. Чувствовалось, что она глубоко прониклась реалиями Недельки. – Для общества, которое лишается одного из своих летописцев. И для самого человека, поскольку он выводится за рамки общества.

– Становится изгоем?

– Все нет, – с видимым усилием воли Даша отбросила переживания за судьбы недельчан и вернулась к реалиям своего кураторства над моей недообразованной персоной. – Скорее больным, о котором все заботятся, но уже не считают полноценным. Его записи больше никогда не пойдут в архив, даже если он будет их вести. Ведь если ему нет веры, значит, нет веры и тому, что он пишет. Потеряв *свою* ручку, он виновен в потере концентрации внимания, виновен в самом страшном для Недельки – в безответственности. Здоровому человеку *там* это не простительно. И если ты поднимешь в архиве все обвинительные приговоры – а их не так уж много за последнее столетие, – то подавляющее число лишенных статуса гражданина вне всяких сомнений больше не могли участвовать в писании летописи этого мира. Крайне редки случаи обвинения действительно здоровых людей – не впавших в маразм, не страдающих другими нервными и психическими расстройствами, вплоть до уровня бытового «крыша поехала». И всегда это оборачивается огромной трагедией как для общества, так и для конкретного человека.

– Ага... И чем же вы таким бедного доктора накачали? – мне вдруг захотелось пошалить – ученик я или нет?

– Ты о чём? – недоумённо встрепенулась кураторша.

– С изгоями мне там, к счастью, познакомиться не довелось. Но по всему выходит, что нормальному недельчанину проще сразу застрелиться, чем дать добровольное согласие на такую самоубийственную авантюру ради проверки какого-то курсантика. До пыток вы бы вряд ли додумались, – как бы размышляя продолжал я. – Да и видимых следов на теле «пациента» трудно было бы избежать... А вот какие-нибудь транки – самое оно.

Мне уже трудно было сдерживать вызревшие внутри вулканчики смеха. Но Даша отчего-то мой тонкий юмор не оценила. Более того, её недоуменно-холодный взгляд быстро остудил расшалившуюся было в моей душе лаву веселья. А уже мгновение спустя в потрясающе выразительных глазах девушки пронесся и вагон, и маленькая тележка, под завязку нагруженные вопросами-ответами. И часть груза явно не имела никакой связи с делом Недельки.

Смутившись, мы синхронно опустили взгляд долу.

– Извини, так совпало, – на грани слышимости выдавила из себя Даша, но тут же вскинулась и как ни в чём ни бывало уверенно и безапелляционно продолжила. – Имей ввиду, у нас

был абсолютно надежный запасной вариант по спасению репутации доктора. В конце концов он – хоть сам об этом ни сном, ни духом – лучшее наше прикрытие на Недельке.

Я снова начал вскипать. И на этот раз совершенно не благодушным весельем. Мгновенно распознав сей факт, Даша почти проворковала (я даже замер в предвкушении, что меня сейчас будут гладить по голове, поощряя за победу на интеллектуальной олимпиаде):

– Но ты справился настолько идеально, что это даже невозможно было просчитать. И кстати, Витино безмерно благодарен за восстановление в правах. Он официально усыновил тебя. Так что, добро пожаловать в семью, братишка. Соберешься навестить папу, не забудь блокнот и ручку. И никогда не оставайся там ночевать в последний день цикла.

Гениальное манипулирование объектом, подумалось мне. Но отчего-то ни злость, ни обида не спешили рваться наружу. Напротив, было хорошо.

Глава вторая

Полигон

Там, закобеньясь, глушат ртуть.

Отчаявшись, крадут расплату.

И ради правды жадно лгут.

А ради жажды – жгут палаты.

Что сказать: с одной стороны, полигон – он и есть полигон. Со всеми этими «ежами», стенами, канатами, «грязевыми ваннами» я играючи справлялся уже на второй день. И посерьёзнее «полосы» хаживали. А вот с так называемыми «комнатами психологической разгрузки» пришлось изрядно попотеть. Ох, недооценивал я кураторов в бытность своего пребывания на Недельке. Если бы в тот мир меня отправили сразу после полигона, я вряд ли был бы способен чётко определить границы нормальности.

Нет, это ж надо было придумать такое – мол, после полосы препятствий самое оно для отдыха переубедить заматерелого вампира не пить кровь. Твою кровь. Во плоти сидя друг напротив друга. Ну и всё в том же духе. На четвёртый день я прямо-таки отдыхал на полосе. И готов был штурмовать её хоть десять раз подряд, лишь бы не угодить в очередную «разгрузочную».

– Слушай, Даш, где вы столько свихнувшихся сценаристов набрали для этих ролевых игр? Ведь даже у самого конченного психа в голове не поместится столько бреда, – возопил я, вываливаясь из мрачной и тесной комнатки. Сидеть мне там пришлось попросту на полу. На лицо и остальные части моего многострадального тела периодически капала водянистая слизь с растёкшейся под потолком на какой-то сетчатой конструкции медузины. Точнее говоря, это был медузоид по имени Плювар. С ним мы добрых полчаса обсуждали перспективы развития транспортной сети некой Прохлады. Хорошо хоть выдержки хватило не подписать контракт на поставку запчастей...

– Карл, а что тебе больше всего запомнилось? – мягко, но настойчиво поинтересовалась Даша.

– Всё. Всё запомнилось. Но особо...

...Во все стороны разбегаются, вздымаясь и опадая, дюны. Сижу, пересыпая песочек с ладони на ладонь. Размышляю, в какую сторону податься, да и есть ли в этом смысл. Вдруг на склоне прямо передо мной жаркое марево начинает сгущаться грозовой тучей, та в свою очередь трансформируется в фигуру в чёрном балахоне. Под капюшоном – всё та же клубящаяся чернота, на которой медленно, но верно начинают прорисовываться глаза. Фигура медленно наплывает, гипнотические тёмно-синие колодцы глаз не дают сдвинуться с места. «Извините, не подскажите в какой стороне семнадцатый квартал Ориджи? – раздаётся в голове неожиданно смущённый и мягкий голос. – Что-то я немного заблудился. Зря мы с Миражером вчера столько квяклы выпили». «Ага. Понимаю. Сочувствую. Но, простите, ничем не могу помочь. Сам впервые в этих краях». «Что ж, спасибо за поддержку. Придётся глиссануть. Как же я

этого не люблю под квяклой делать», – и с этими словами фигура в буквальном смысле проваливается сквозь песок...

...Вхожу в плотный клочковатый туман. Куда ни шагни – под ногами что-то чавкает. Мутно-фиолетовые сполохи кнутом секут туман, но тот не отступает. Решаю просто двигаться вперёд. Вдруг над головой раздаётся резкий, пикирующий свист. Прыжком ныряю вправо. И... чтоб вас всех... падаю, падаю, падаю... Приземляюсь во что-то вязкое и никак не могу выбраться из этой тягучей массы. Сверху вновь надвигается сваливший меня в бездну свист. Но не он уже пугает, а начинающая всё сильнее сковывать моё тело субстанция. Её поверхность подёргивается волнами. Откуда-то из недр этой биомассы всё различимее доносится жадное причмокивание. Выхватываю луче́мёт и начинаю без разбора палить вокруг себя. Истощённый визг мерзкой твари – и свобода!..

...Качу на уходящей за горизонт движущейся ленте сквозь ажурные построения разнокалиберных зданий. Бесцветные лучи ярко-белого светила бьются о грани башенок, многоскатные крыши дворцов, замысловатые переплетения мостиков и переходов и рассыпаются разноцветьем изумрудов, топазов, рубинов. И мрачная, давящая тишина. С каждым часом крепнет уверенность, что в этом мире давным-давно нет ни одной живой души. В какой-то момент накатывает такая дикая тоска, что, кажется, ещё мгновение и накроет полное безумие. А ленте нет конца. И нет спасения от этого бездушного великолепия и одиночества...

...Невероятной силы гам. Многоярусная арена открытого цирка заполнена трёхглавыми, отчаянно беснующимися собаками. Нет, собачищами! Стойкое ощущение, что оказался внутри огромной взбесившейся псарни. Жутко до одури. Однако никто меня вроде бы не собирается терзать и пожирать. Приглядываюсь. Среди рыкающей и мельтешащей клыками и когтями разноцветно-шерстистой массы различаю редкие островки спокойствия. Люди. И сижу я с краю одного из таких островков. В общем рёве начинаю, наконец, вычленять отдельные фразы. «Давай, давай!» «Шевели булками, плешивый!» «Не спать, твою... Я ж на тебя всю зарплату поставил!» А что, вполне себе приличные пёсики, даром что размером раза в три крупнее самой здоровой собаки Борей. Поголовно – в шортах или бриджах. На иных – футболки ярких расцветок. Внизу же, на арене, два даже по местным меркам гигантских псеглавца натужно вкатывают каждый на свою гору по огромному круглому каменному шару. Один из них и вправду плешив на правую голову...

– А если подумать? – Дарья заставляет вернуться к действительности.

– Ну, если подумать... Что-то мозг так и не смог принять всерьёз, что-то вообще осталось за гранью понимания... Опять же исключаем банальные попытки развода «на слабо». Отбрасываем в сторону разноцветные философствования о смысле жизни. Остаётся только «интервью с вампиром», – медленно выдавливаю из себя я, продолжая оттираться от слизи.

– Василий мало кого оставляет равнодушным. Правда, с тех пор, как он помогает нам на полигоне – а это уже лет пятнадцать, насколько я знаю, – никому до тебя его пройти не удавалось. За одним исключением. Но об этом как-нибудь в другой раз.

– Прямо-таки не Вася, а чистилище материализованное. Фантазии на нормальное имя не хватило? – меня пробило на идиотское хихиканье. От постоянных нервных потрясений последних дней, наверное.

– Вообще-то он – Васисуалий Альбрехт Крестовский, – менторский тон Даши унял моё неуместное веселье. – Там, у себя. Так что фантазию подключать не пришлось. Да и вообще, нам нет нужды мучиться в творческих потугах. Всё натурально – и миры, и их обитатели. В редких случаях – стопроцентные реплики. Не самые неприятные миры, замечу. Думаю, ты и сам это сразу понял. Так что довольно ёрничать.

– Да ладно, извини. Понял, конечно. Просто норвящая попасть тебе в рот слизь как-то не очень располагает к позитивному настрою. Я улиток-то в руки брать брезгую, а тут...

Кстати, в одной из тех экскурсий, что вы мне тут устроили, пришлось повоевать с кем-то очень схожим по виду с Плюваром. Но уж очень огромным!

– И тут ты прав, – Даша не выходила из образа наставника. – Плод неудачного эксперимента их учёных. Как говорил классик, есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам... Так что имей ввиду – в некоторых мирах воспоминания о беседе с медузой даже будут навевать на тебя приятную ностальгию.

– Уволь от этого, и представлять не собираюсь, что это за миры такие расчудесные, – я отчаянно затряс головой, в которой уже закружился рождённый разогретой фантазией калейдоскоп картинок, одна причудливее другой. И чтобы выбраться из омута этой фантазмагии, схватился за первую подвернувшуюся под руки соломинку. – А Горацио – это кто?

– Что? А ведь образованный человек... Ой, прости, у вас же это не было написано, – и куда что подевалось? Где это учительское превосходство над недоучкой? Передо мной стояла очень милая, но явно сильно растерянная девушка.

– Стоп, ещё раз.

– Яр тебе не рассказывал? Странно... Это, конечно, против правил. Но нам с тобой вместе работать, так что... – Даша смущённо потупилась, потом, словно решившись на очень трудный и ответственный поступок, как-то даже немного торжественно отчеканила. – Я не из этого мира. Он очень похож на ваш, но в тоже время совсем другой. Земелька называется.

– Земелька? Прямо вот так – Земелька? Креативно, – невольно расхохотался я.

– Хватит гоготать! Борей – шедевр топонимики, да? – Гневно воскликнула Даша.

– Ну, тут хотя бы образ есть, – чем Даше не угодил вольный ветер, я так и не понял. По мне так лучшего названия для мира, чем Борей, и нет.

– Считаю, и у нас образ есть. Земля кормит, – стояла на своём Даша. И в этом своём гордом упрямстве выглядела просто сногшибательно.

– Ну, если с этой точки зрения, тогда конечно, – продолжал я подначивать. А нечего было из себя всезнайку высокородную строить. – Хотя глина или там грязь были бы еще образнее – все мы из грязи вышли, в грязь же и уйдем.

– Сам ты грязь... – обиженно ответствовала Даша.

– Извини, извини! Вправду ведь малость нелепое название, – раскаялся я в своей несдержанности.

– Все так говорят. А я никак привыкнуть не могу к такой реакции.

– Как-нибудь сводишь на экскурсию? – начал я примирительно.

– Нет, – категорически отрезала девушка.

– Да ладно, не обижайся. Я ведь уже извинился.

– Некуда вести. Закрыта Земелька, – в голосе Даши прорывались нотки затаённой боли.

– Как это? – опешил я. – Что значит – закрыта?

– Слишком много амбиций, слишком много глупостей... У вас на Борею тоже далеко не рай... – продолжила она с некоторым вызовом.

– Куда там.

– Однако ваше общество, погрязнув в эгоцентризме, тем и спаслось. Частная инициатива процветает. Идеал жизни – личное благополучие любыми более-менее законными средствами. И при этом абсолютный запрет на оружие массового поражения. У нас в почёте вроде как были мораль и нравственность. Но каждый к ним со своей меркой подходил. На уровне государств, которых у нас было с избытком. Вам мира на всех хватает, никаких границ вы в нём не рисуете. А на Земельке вечно делёжка какая-то шла... – по мере рассказа Даша становилась всё грустнее и грустнее. – И в итоге, пытаюсь защитить именно своё понимание «идеального мира», такого наизобретали, что оставили после своих выяснений – кто же правильнее и добрее – выжженную пустыню, непригодную для жизни. Теперь туда нельзя. Ещё очень долго нельзя будет...

– Ага, вот даже как... Это, наверное, страшно – знать, что нет никакой возможности попасть домой, – я не знал, как подступиться к совершенно расстроившейся девушке. Просто подошёл поближе и взял её за руку.

– Скорее, временами невыносимо тоскливо становится, – на грани слышимости выдохнула Даша.

– Представляю... Хотя, как я могу такое в полной мере представить. Мой-то дом – вот он, в любой момент открыт для меня, только пожелай навестить... Даша, а как ты сюда попала?

– Не в то время и не за тот угол повернула... Не хочу об этом говорить, – она отмахнулась от этого вопроса как от назойливой мухи, вместе с тем освободившись и от моего участливого рукопожатия. – У Яра спроси, он даже лучше меня расскажет. А ты, давай, не увиливай. Рассказывай – как с Василием поладил?

«Поразительный характер! – мысленно восхищался я. – Ведь только что с головой погрузилась в воспоминания о страшной трагедии, да ни с кем-нибудь произошедшей, а именно что с ней. И вот уже ни тени более чем оправданной жалости к себе. Меня к ответу призывает». И тут до меня дошёл смысл последней Дашиной фразы.

– Просто повезло, – смутился я. И вовсе не от резкого поворота в беседе. А от самой сути вопроса.

– Повезло, ну-ну... – недоверчиво протянула Даша.

– Без всяких «ну-ну». Болтали о том, о сём. Ну и выяснилось, что есть у нас один общий интерес...

– Карл, что завис-то? Продолжай.

– Да так, ерунда, даже говорить не стоит... А что у Васи не спросишь? – попытался я увильнуть от ответа.

– Молчит. Просто сказал, что ты с блеском прошёл его испытание. Мы решили, что не хочет раскрывать подробности по причине уязвлённой гордости, а дело, видимо, совсем в другом? Давай, партнёр, рассказывай. Между нами не должно быть недомолвок.

– Есть, командир! – сыграл солдафона, «вытянувшись во фрунт», а сам в это время думал, как поступить. И вправду ведь неловко признаваться в склонности к детским забавам. А, была ни была. – Да, понимаешь, мы спичечные коробки коллекционируем... А миры-то разные. Ты представляешь, какое поле для обмена!

– Во как вспыхнул. Ладно-ладно, молчу уже. Интересное пристрастие. Спички... Зачем вампиру с огнём играть? – удивлению Даши не было предела.

– А вот это ты уже у него сама спроси. Хотя, лучше не надо. Да и вообще не стоит об этом распространяться. Хорошо, партнёр?

– Не беспокойся. Яру, конечно, доложить придётся. На этом круг посвящённых и замкнётся, – со смехом пообещала напарница.

– Даша, у меня отчего-то сложилось впечатление, что Вася наш на полном серьёзе намеревался кровушки моей попить. Или он всё же бутафорский? – рискнул я задать больше всего беспокоящий вопрос.

– Нет, опасность была реальная, ты правильно оценил ситуацию. Попил бы, как у всех, кто попадал в его «разгрузочную» до тебя, – Даша внешне была спокойна. Говорила легко, без напряжения, словно о том, как чистить картошку рассказывала. Но при этом не отрывала взгляда от моих глаз, словно пыталась прочесть в них самые потаённые мои мысли. – В конце концов, это было его условием при подписании контракта на работу у нас.

– И?

– Что «и»? – спокойствие не покидало Дашу, а меня начало потряхивать:

– И сколько же народа в расход ушло? Или у вас тут уже целое вампирское новопоселение?

– Да ты что, Карл? Я вот заметила, что как только ты встаёшь на путь борца с несправедливостью, мозг у тебя будто отключается. Это же полигон, учебка. Успокойся и подумай сам – кто же здесь будет людей гробить? Да и вообще, Контора наша людей сберегает. Холит и лелеет, а не калечит и чего ещё похуже.

– Ага, что-то занесло... Лекарство есть? – меня вмиг отпустило. И вправду, что это я несу? Ох, не хватает во мне привычки доверять другим. Пора бы менять своё отношение к людям, уже ведь не на службе у эгоистичных негодяев.

– Естественно, – продолжила тем временем Даша. – Крестовский меру знает, черту не переходит. Получив своё, тут же вкатывает инициированному антидот, блокирующий трансформацию. Прошедшие Василия, – а к нему не отправляют кого ни попадя, – получают своего рода иммунитет: попав в один из сумеречных миров, отмеченные им уже не представляют гастрономического интереса для аборигенов и могут спокойно там жить сколь угодно долго. Для наблюдателей, направляемых в изведанные вамп-миры, Васин дар – бесценен.

– И много таких миров? – не сдержал я любопытства. Ведь до недавних пор не поверил бы, что в реальности существует хоть один из таких.

– Да как их сосчитать, если неизведанного пространства больше, чем мы можем себе представить, – пожала плечами Даша. – Скажем так, шанс разведчика оказаться в гостях у собратьев Васисуалия – один к тридцати, не больше. Судя по доступной нам статистике. И тебе, коль скоро ты избег инициации, лучше там не оказываться. Мне, кстати, тоже.

– Да не очень-то и хотелось, – и это было истинной правдой. Общие интересы – дело хорошее. Но спасут ли они меня при встрече с тем же Васисуалием на его территории? Ответ на этот вопрос проверять на практике я не горел желанием.

«Здравствуй, ангел».

«И я тебе рад».

– Яр, ну что, как там мои показатели? В нормативы уложился? – как же приятно было снова быть дома, видеть надёжного старого друга, а не мыкаться по непредсказуемым «разгрузочным».

– Куда бы ты делся с подводной лодки. Не уложился бы за месяц – и дальше там мариновался бы. До победного, – Яра не исправить. Он, поди, и перед лицом Васи балагурства своего не отбросил бы. И ведь наверняка справился бы с вампиром – уморил бы того своими странными шуточками в два счёта.

– Какой месяц? Я там вроде бы и трёх недель не пробыл? – подыгрываю начальству.

– Вот я и говорю – ма-ла-дец. Ни в пространстве не потерялся, ни во времени, ни в полемике с братом по разуму лицом в слизь не ударил.

– Слушай, шутник!.. – а вот это уже обидно, дружище. Вот забуду ненадолго, что ты теперь мой начальник...

«И я думал, что медузоида не осилишь. А ты ещё и в гости к нему напросился», – не вовремя – или наоборот в самое время – прорезался в моей голове голос опекуна.

«Ангел! Ты-то как в отчёты влез?» – возмущённо ору я. Сам напросился – кому-то ведь должно было достаться на орехи.

«Зачем? Вживую всё видел, – опекун был спокоен как сытый удав и совершенно проигнорировал моё желание с кем-нибудь пободаться. – Говорил же, что теперь всегда с тобой. Не думаешь ведь ты в самом деле, что я – тот диск и только. Так что можешь его на себя больше не навешивать».

«Ага... Не пояснишь?»

«Нет необходимости».

Нет, с этим что-то нужно делать. Когда уже мне удосужатся объяснить, кого я пустил в свою голову?

– Ладно, ладно. Не заводись, Карлуша, – это уже Ярик. Сговорились они, что ли? Пока вознамеришься одному, фигурально выражаясь, по уху съездить, второй отвлекающим манёвром весь настрой сбивает... – По лигурийскому соскучился? Вот мы сейчас... В общем и целом к самостоятельной работе готов. Ветчинки? Три дня на отдых и вводные, и отправляетесь. Проявилась тут одна дорожка, надо проверить, куда ведёт... Ты что такой задумчивый? Да не крути ты бокал. Хочешь что-то спросить – давай.

– Даша сказала, что ты в курсе её истории. Сама рассказывать не захотела, сказала, что ты просветишь.

– Так и сказала? – балагурство и веселье с Ярослава как рукой сняло.

– Ага. Так что там насчёт неправильных шагов за поворот? – продолжал настаивать я.

– Хм-м-м. Скажи, как ты себе представляешь соприкосновение миров? – и вот уже Ярослав – само воплощение серьёзности.

– Пока чисто теоретически. Есть какие-то места, где можно при определенных условиях перейти из одного в другой. Как-то так, – помахивая рукой с бокалом из стороны в сторону, я пытался вернуть разговор в русло дружеской беседы. Однако Ярослав уже оседлал профессорского конька:

– Как-то так... Да вот как раз совсем не так. Точнее, и так, и не так. Уже изведанные миры координатно прописаны, и для посвящённых не составляет труда попасть в любой из них и вернуться обратно. Записанных в Реестр миров немало – несколько тысяч. Не включённых же в общую Сеть ещё больше – мириады и мириады. Зондирование пространства ведётся постоянно, борейской Конторой – вот уже четыре столетия. Но даже регламентный портал – то есть стабильный, активируемый при определенных условиях и действующий на основе постоянных параметров, – в неизведанный мир обнаружить не просто. И, как правило, разведчики в итоге оказываются в одиночных изолированных мирах. Лишь трижды за всё прошедшее время мы наткнулись на схожий с нашим конгломерат миров.

– Яр, всё это страсть как интересно, – я сделал ещё одну попытку избежать лекции. – Повторение – мать учения опять же. Но Даша-то здесь при чём? Ты зачем мне теорию по второму разу втолковываешь?

– Ты же знаешь, что не из праздного любопытства мы пространство обшариваем, – сбить Ярослава с намеченной канвы повествования было уже невозможно. Он даже бокал отставил в сторону и, скрестив руки на груди, продолжил: – Миры хрупки. И при всём своём внешнем разнообразии по большому счёту идут одними и теми же путями развития. Будто от одного корня питаются и растут. Ты удивишься, но даже сказки в разных мирах могут быть совершенно одинаковыми по содержанию и сюжету. Да что там сказки – язык во всех мирах универсален. Есть, правда, и уникальные случаи, когда приходится подстраиваться под диалект аборигенов. Но это большая редкость. Мы, кстати, некоторые интересные музыкальные и литературные произведения других миров вполне успешно тиражируем на Боре.

– Может хватит уже научно-технических отступлений? – взмолился я.

– Просто прими к сведению и не удивляйся, если в какой-нибудь из экспедиций услышишь мелодию борейского перепляса... – Ярик словно и не слышал последней моей фразы. – Так вот. Если бы мы в своё время не вышли в Сеть, не избежать Боре участи Земельки. А так – там идейку позаимствовали, тут парой технологий обогатились – вот и вырулили из тупика. Не совершенное общество, но жизнеспособное и здравомыслящее. К тому же двигающееся, пусть и не быстро, к твоему видению идеального миропорядка, где ум, честь и совесть доминируют над корыстью и амбициозным дураломством.

– Ярррр!

– Не кипятись, теперь совсем уже по существу вопроса, – друг мой учёный позволил себе сделать добрый глоток из бокала и снова сцепил пальцы. – Любой из нас, включая посвящённых, завернув за угол, может оказаться уже совершенно в другом мире. Никто не в силах

предсказать и уж тем более контролировать возникновение случайных переходов. Не так давно – лет тридцать назад – мы научились стабилизировать зафиксированные точки прокола. Но только совсем свежие. Спустя пять-шесть часов резонанс безвозвратно затихает. Зато в случае удачи мы получаем полновесный и контролируемый портал в другой мир. Подобного рода порталов – мы их называем стихийными – в буквальном смысле считанные единицы. Как можно спрогнозировать случайность, тем более столь коротко живущую? Закономерность мы установили только одну: возникая, такие порталы непременно уносят кого-то из родных мест в совершенно неведомые и тут же схлопываются. Такое у них, видать, предназначение... Так случилось и с Дашей. Она просто-напросто выпала из воздуха прямо на меня. Ей было тогда пятнадцать лет. А я только-только стал исполняющим обязанности начальника Конторы.

– Пап, почему людям всегда чего-то не хватает? – Даша сидит в залитой солнечным светом комнате за столом, заваленным учебниками и тетрадями, и задумчиво смотрит в окно.

– Совсем не охота уроки делать? – её отец удобно устроился в кресле с книжкой в руках. – Рассказывай, что там за обновы и у какой твоей подружки появились?

– Да нет, я вовсе не об этом. Вчера на перемене Витька и Пашка подрались из-за пенала.

– Это какие Витька с Пашкой? Сидоркин и Мурыгин?

– Пап, да какая разница – какие? Ну да, они. Но это не важно. Я просто не могу понять: ну что, Пашка не может сам себе такой же пенал купить, если понравился? Да и вообще, зачем драться из-за всякой ерунды? Телик вон посмотришь – в мире вообще дурдом какой-то творится.

– А ты его поменьше смотри.

– Куда там... Ты же сам от новостей не отлипаешь. Мне что делать прикажешь: уши ватой затыкать?

– Подловила. Что-то я в последнее время и вправду с телевизором перебарщиваю... Но сейчас-то видишь – книжку читаю. Так что и ты... это... читай побольше.

– Да читаю я, читаю. А что толку? Где книжки, и где настоящая жизнь... Все хвалят – вон какая книжка умная да хорошая, а хоть кто-нибудь пытается жить по написанному, по правильному? Прочитали, повосхищались, да и забыли.

– Даш, да что случилось-то?

– Ничего, пап... Просто... Ну вот какой в этом смысл? Закончу школу, в вуз поступлю. Потом где-нибудь работать буду. И ради чего? Чтобы было на что хлеб купить, на море съездить, так что ли? В кино слесарь какой-нибудь – и тот живёт в шикарном доме и не парится по поводу денег, а любовь там ищет или другими высокими материями терзается. Про книги вообще молчу. Любая из тех, что прочитала, ищет не рецепты обогащения, а в самом человеке копаются.

– Вообще-то книг о том, как стать успешным и богатым сейчас тьма-тьмушая.

– Пап, я ж не про бизнес-макулатуру.

– Да это я так, к слову. С мыслями собираюсь. Ты бы хоть предупреждала, когда в столь высокие эмпирии возносишься и меня за собой утянуть хочешь.

– Ну пап!

– Что ж, серьёзно, так серьёзно... Знаешь, чем, по моему мнению, человек отличается от собратьев по животному миру? Только не хихикай, это моя собственная теория. Представь, что и мы некогда наряду со всеми рыскали по планете на четырёх лапах. Следовали простым и понятным инстинктам – выжить, а ради этого найти пропитание себе и близким, защититься от чужаков, сбежать, укрыться от угрозы. Но тут вдруг неведомая сила распрямляет человека. Он перестаёт тыкаться носом в землю, вытягивается ввысь во весь рост и – принимает в себя солнце, небо, звёзды. Он начинает стремиться к чему-то действительно высокому. Видит и чувствует уже гораздо больше. И о гораздо большем начинает думать. Эволюционирует до

разумного! Но вот парадокс – не всем это по нраву. Одним страшно. Другим лениво. Третьим просто совершенно не понятно – зачем всё это? И они стремятся снова упасть на четвереньки, скрываясь от высокого призыва небес. А разум-то развит, и избавиться от него ох как не просто. В итоге простая формула получается: простые инстинкты, приправленные отравой разума, делают человека рабом инстинктов низменных. Да-да, именно отравой. Ведь для тех, кто не видит в нём смысла, разум превращается из блага в проклятье.

– Ну, пап, ты завернул! Нашу биологичку точно бы кондрашкахватила, услышь она такое. А что, круто! Мне нравится! Если подумать, вокруг действительно полно балбесов, отравленных разумом.

– Даша, ну как ты выражаешься...

– Да нет, пап, правда, шикарная теория. По мне так многое объясняет. Только получается, что траванутых у нас ого как много. Вот и дурдом вокруг. А как ты считаешь, их со временем больше становится или меньше?

– Честно говоря, такое ощущение, что на нас эпидемия обрушилась. И заражённых с каждым днём всё прибывает. Тревожно как-то. Хочется надеяться на лучшее, но такое ощущение, что со дня на день произойдёт нечто совсем уж жуткое. И к новостям пристрастился, наверное, от того, что боюсь пропустить сообщение о чём-то подобном.

– И что ты изменишь?

– Ну да, действительно... Ладно, всё, договорились – включаю телевизор только ради нового мультя про богатырей.

– Ну пап!

– Вы там как, ужинать готовы? У меня почти всё готово. Саш, а ты хлеб не забыл купить? – в беседу отца и дочери бесцеремонно врывается громкий женский голос со стороны кухни.

– Упс. Дашка, я попал... Совсем из головы вылетело.

– Вы меня там вообще слышите? Вот как всегда. Специально же звонила тебе под конец рабочего дня, чтобы не забыл!

– Мам, я сейчас сбегаяю, – Даша срывается с места.

– Саш, дай ей денег!

– Да есть у меня, от обедов остались, на хлеб хватит, – Даша уже щёлкает замком двери и пару секунд спустя вылетает на лестничную клетку.

Лифт ждать неохота. Подъезд прокурен так, что запахом, кажется, пропитались даже выбеленные сверху и от середины к низу покрашенные бледно-голубой краской стены. Но всё одно лучше нестись по лестнице, чем топтаться на площадке в ожидании задумчиво ползущей и дробно дребезжащей металлической коробки.

Двор, как и всегда, больше напоминает забитую под завязку автостоянку, нежели место для отдыха жильцов. Какой-то чудик умудрился приткнуть свою обшарпанную колымагу едва ли не впритык с дверью в подъезд. «Сантиметров пятнадцать до правой фары дверь не достаёт, – автоматически фиксирует Даша. – Жаль. Вот что нужно сделать с человеком, чтобы он не только о себе был в состоянии думать?»

Длинный 10-этажный дом тянется вдоль оживленной автострады. Выйдя из-под внутренней арки, Даша автоматически повернула налево и двинулась в сторону перекрёстка – миллион раз пройденный маршрут. Там ещё раз налево и спустя сорок метров двери в магазинчик с мини-пекарней, где продают всегда свежий и аппетитный хлеб. Ну да, не по десять рублей, и даже не по двадцать. Зато вкуснее в городе нет. «Да ради одной этой булочной стоит жить в нашем районе, – Даша уже предвкушает, как будет расправляться с верхушкой ещё теплого, с хрустящей корочкой багета. – А ещё сдобу чайную куплю. С маком. Папе все эти сладкие булочки до фонаря. Зато мама обрадуется. Главное, чтобы работали. А то в последнее время взяли моду раньше времени закрываться – раскупают у них всё быстро, видите ли».

Даша поворачивает за угол дома, видит, что двери булочной приоткрыты, обрадованно ускоряет шаг. Один, второй, третий и... Жуткий, на грани разрыва барабанных перепонек свист в ушах, будто вокруг бушует дичайший ветер. Ощущение невероятной, бешеной скорости. Вокруг – сплошная серая мгла, подсвечиваемая сначала редкими, а потом всё более частыми белыми вспышками. И – бах! – какой-то незнакомый дядька от удара распластался на мостовой из синеватого камня, а Дашка кубарем летит через него и застывает на спине примерно в той же позе. Минуту-другую они лежат ошарашенные, голова к голове, только ноги смотрят в противоположных направлениях.

– Вот и прогулялся на сон грядущий, прочистил голову, – первым признаки жизни подаёт поверженный незнакомец.

– Ой, простите. Я Вас не заметила.

– Я тебя тоже, – мужчина встаёт, помогает подняться Даше, задумчиво оглядывая девочку и степенно отряхиваясь, представляется. – Ярослав Владимирович. Можно – дядя Яр. Забавный у тебя гардероб. Как зовут тебя, юный ураган?

– Даша. Дарья Лугина. Я правда Вас не заметила, простите. Я тут рядом живу, в этом доме. В булочную вот шла, задумалась что-то.

– В какую булочную? Это же в обратную сторону кварталов пять.

– Дядя Яр, да вы что? Сильно ударились, да? Ой, простите ещё раз. Вон же булочная наша, – Даша показывает на... сплошную, облицованную гранитом стену. – Как это? А где же двери? Похоже, это я сильно ударилась. Я сейчас домой, мне тут недалеко. – Даша бросается к перекрёстку, поворачивает за угол и цепенеет: на месте знакомой десятиэтажки – в ряд несколько особняков. И никакой не асфальт, а брусчатка под ногами. И неспешно плывущие над ней немногочисленные магнето-ландо (Даша тогда ещё не знала, что именно так называются эти изящные автомобили), а не орды беснующихся зловонных бензиножоров.

– Даша, послушай, с тобой всё в порядке. Просто ты провалилась. Здесь нет твоего дома. К сожалению. Но мы его найдём. Тебе повезло, что ты на меня свалилась. Главное, мы знаем где переход, так что скоро ты попадешь домой. Не волнуйся, всё будет хорошо. Я тебе обещаю.

– Дашка тогда была молодцом. Не паниковала, не истерила. Но вот обещания своего выполнить я не смог... – Яр сдвинул опустевшие бокалы, плеснул в них очередную порцию лигурийского нектара. – Нет, по большому счёту всё у неё хорошо. За исключением того, что домой попасть она так больше и не смогла. Оно всё-таки к лучшему. Прокол мы тут же стабилизировали. Спустя три дня координатно прописали параметры Земельки. Отправили разведчиков. И всё. Даже они уже не смогли вернуться. Опоздали мы. Прав был в своих предчувствиях отец Даши – тот мир действительно балансировал на грани краха. И не удержался, полетел в тартарары. Заселить-то мы его заново заселим. Не впервой мира реанимировать. Но когда это теперь будет.

Посидели, помолчали. Рассказанное с большим трудом, но всё же уложилось в моей голове. И не знаю, кого мне было больше жаль – Дашу или её погибший мир.

И тут я вспомнил про *своё* обещание. Данное на полигоне Плювару.

– Слушай, Яр, а та экспедиция, о которой ты говорил, не может немного подождать, – начал я осторожно прощупывать почву.

– Не хотелось бы её откладывать. Ангел твой настаивает на том, что она может принести важные результаты, – Ярослав удивлённо взирал на меня. Видать, думает, что мне блажь какая-то в голову ударила. – А что случилось-то?

– Про медузоида не забыл? Не люблю оставлять дела незаконченными, – я с грустью поигрываю рубиновой жидкостью в своём бокале. Очень уж хочется, чтобы Яр отговорил, а то и приказал бы по-начальственному выкинуть из головы данное Плювару слово. Но Ярик, к сожалению, прекрасно знает, что раз я дал обещание, то расшибусь, но исполню его.

– Забыл... – растерянно протянул Ярик, но попытался-таки образумить меня. – Да и ты бы всерьёз не принимал данных на полигоне обещаний, а? Чего ведь только не наговоришь в горячке, так ведь? Некоторые курсанты в попытке побыстрее избавиться себя от особо невыносимого испытания такое несут, такими клятвам сыплют – ты бы слышал!

– Я не «некоторый курсант», – сухо оборвал я друга.

– В том-то и беда, – сокрушался тот. – Ну вот в кого ты такой уродился?! Ладно... – Ярик тоже перешёл на сухой деловой тон. – Выделяю тебе сутки, не больше. В принципе, ещё один визит в другой мир тебе не повредит. А вот то, что для закрепления практики ты выбрал столь экзотичный, как Прохлада, вини самого себя. Плохого там с тобой случится не может. Но зачем ты понадобился этим медузоидам – не знаю. С миром этим мы знакомы недавно. И весьма поверхностно.

– И на том спасибо, – проворчал я в ответ. – Слушай, Яр, прости ты меня. Но не могу я по-другому!

– Знаю, – уже совершенно по-дружески ответил он. И мы позволили себе ещё немного продлить приятную посиделку.

На следующее утро я встал пораньше и принялся собираться в дорогу. Подсказок, что же именно мне потребуется на этой Прохладе, ждать было нет от кого, поэтому ориентировался на стандартный набор разведчика. Не забыл прихватить с собой компактный луче­мёт. Ну и непромокаемый плащ – уж больно подозрительное название у этого мира. Да и от слизи защита будет, доведись опять под медузоида угодить.

Сборы мои подходили к концу, как в дверях нарисовался Ярослав. Его сопровождала Даша, выглядевшая отчего-то очень сердитой.

– Так в одиночку и отправишься? – научится Ярик когда-нибудь здороваться или нет – этот вопрос давно уже стал для меня риторическим.

– Да я быстро – туда и обратно, – бросил я, не прерываясь. – Тем более, что ангел наотрез отказался сопровождать меня в этом вояже. «Извини, Карл, но придётся тебе визит к медузоидам совершить без меня. Я полностью поддерживаю твоё стремление держаться данного слова. Но, поверь, я сейчас сильно занят», – попытался я передразнить в чём-то даже уважительную, но всё-таки отповедь опекуна.

– И ты ни о ком больше не вспомнил, – щёлкнул кнутом по нервам донельзя обиженный Дашин голос. Не вспомнил я, как же... Ещё как вспоминал и думал о тебе, напарница! Да только ничего кроме смущения думы эти мне не принесли.

– Даша, – оставаться холодным и рассудительным было трудно, – я ведь сам себя втравил в эту историю, никто меня за язык не тянул. Сбегаю к этим слизнякам, пообщаюсь и мигом назад. Зато впредь буду стараться не разбрасываться обещаниями направо и налево. Ну что тебе делать у этих милых созданий? Слизь с меня счищать? – попытался я закончить шуткой, которая, на мой взгляд, должна была окончательно сгладить ситуацию. Но куда там, Дашина обида мгновенно вознеслась до гнева.

– Запачкаешься – чиститься сам будешь, не маленький, – взгляд Даши стал стальным. Рука её протянулась к моей груди и указательным пальцем стала вбивать в моё нутро прописные истины. Удар за ударом. – И запомни. Мы теперь – одна команда. Проблема одного – в равной степени такая же проблема и для другого. Я по-другому не умею. Не согласен – не будет нашей группы.

– Схлопотал, гвардеец, – Ярослав в буквальном смысле согнулся пополам от хохота. – Это тебе не со мной диспуты разводить. С Дарьей не забалуешь.

Я же лишь растерянно хлопал глазами и согласно кивал на каждое слово Даши.

– Всё-всё, хватит, – выдал я из себя в совершенном измождении. Такое ощущение, что только что закончил 50-километровый марш-бросок по полной выкладке. Не в силах больше

стоять, я рухнул сидалищем на диван, по которому были разбросаны подготовленные к укладке вещи. – Понял. Осознал. Каюсь.

– Так-то лучше, – передо мной стояла уже обычная Даша, а не тот ураган, бешеный напор которого я только что испытал на себе. Она улыбнулась, развернулась и вышла из комнаты.

– Куда это она, – спросил я присевшего рядом и постанывающего от последствий гоме-рического хохота Ярослава.

– Охх... Уфф, – пытался тот отдышаться. – За своим снаряжением, куда ещё, уфф. Она ещё с вечера собралась, как только узнала о твоём намерении закончить дела с медузоидами.

– И кто ей об этом напел? – я знал, на ком сейчас отыграюсь.

– Кроме меня и некому было. Должен ведь руководитель группы знать о том, какие планы вынашивают её подчиненные, – Ярик хитро подмигнул мне. И я разочарованно выдохнул – и в этот раз ни на ком отыграться не удастся.

Кому пришло в голову назвать этот мир Прохладой? Духота – страшная, как в хорошей парилке. Прыгнули мы с Дашей сюда из Конторы всего-то пару минут назад, а одежду уже можно выжимать. Обливаясь потом, стоим под какой-то вертикальной загогулиной и ждём обещанного Плюваром транспорта. Хотя даже и не представляю себе, как он будет выглядеть. Дорог поблизости как-то не наблюдается.

Под ногами – просто раскисшая земля. Ни травинки, ни кустика. Мрачные, прямо-таки грозные тучи висят совсем низко. Плотность их почти осязаема.

– Если ливанёт – нас смочет в ту же секунду. Может, к вышке этой привяжемся? – интересуюсь у Даши.

– Насколько мне известно, дождей здесь не бывает. А жаль, – Даша, впрочем как и я, дышит тяжело и часто.

– Веничка берёзового не хватает, – я снимаю вещь-мешок и ставлю его под ноги.

– Прутьев не хватает. Гибких и прочных, – не заставляет себя ждать с ответом Даша. – Я бы тебя прямо сейчас так пропарила...

Это мне крыть нечем. Спасительного транспорта так пока и не видно. В голову мне приходит мысль забраться на загогулину. От Даши подальше. Да и вдруг что интересное разгляжу с верхотуры.

Практически подпирающий тучи серебристо-серый металлический шест упирается в землю шестью разлапистыми опорами. Наверху он оканчивается крестообразной перекладиной, от концов которой тянутся в укутанную тучами даль поблескивающие нити.

Пока я ходил вокруг да около и рассматривал неведомо к чему приспособленную конструкцию, откуда-то издали начал прорезаться звук. Сначала на грани слышимости. Потом всё отчётливее и отчётливее. И вот уже пространство раздирает знакомый мне по одной из разгрузочной свист.

Кричу:

– Даша, ложись! – и тут же плюхаюсь в грязь, перекатываюсь в сторону брошенного вещь-мешка и пытаюсь по-быстренькому выудить из него луче́мёт. «Знакомы поверхностно... Но ничего опасного... Ну, Ярик! Ну, удружил! Ещё и Даша тут из-за него оказалась...» – лихорадочно мелькают в голове невесёлые мысли.

Бросаю взгляд на напарницу. Та как ни в чём не бывало стоит, уперев руки в боки, и наблюдает за тем, как в нашу сторону по одной из нитей скользит того же металла, что и загогулина, платформа.

Это что – и есть наш транспорт? Изрядно сконфуженный, поднимаюсь и пытаюсь хоть малость привести в порядок испачканный комбез. Даша деликатно не смотрит в мою сторону. Хоть засмеялась бы, что ли. Для кого я тут все эти кульбиты вытворяю?

Домчавшись до нашего шеста, платформа плавно пошла вниз, на всё той же, теперь пустившей к земле росток, нити. Пока усаживаемся на поданную «карету», никак не могу понять – за что же здесь держаться. Плоский как блин кусок металла, который висит на порядочной высоте и удерживается от падения креплением к какой-то ниточке. Ладно, металлическому тросу. Но и только! А лететь, как я полагаю, он будет с приличной скоростью. Если и не оборвётся ничего, нам-то как с него не сверзнуться?

Даша тем временем спокойно усаживается на один из краёв платформы, лицом в том направлении, откуда прибыла «какета». Мысленно прощаюсь со всем светом, – ну не по душе мне высотные приключения! – насколько могу беру себя в руки и плюхаюсь рядом с напарницей. Эх, где наша не пропадала!

Удивительно, но впоследствии я вспоминал эту поездку, больше похожую на полёт, как самое приятное из того, что случилось с нами на Прохладе. В какой-то момент я даже позволил себе приобнять Дашу за плечи, якобы подстраховывая её. На самом деле, кого тут обманывать, в этот момент в поддержке нуждался именно я. Прекрасно это понимала и Даша, поэтому на объятия мои никакой отрицательной реакции не последовало.

Платформа неслась вперёд, рассекая воздух. Её стремительное движение и порождало тот самый впечатляющий свист пикирующего хищника. При этом полёт наш был удивительно плавным. Закрыв глаза, я даже представлял себе, что просто сижу на диване в своей комнате и наслаждаюсь покоем.

Периодически на нашем пути встречались знакомые уже загогулины. В некоторых местах они высились скопом сразу по несколько десятков. В целом – унылое и однообразное ничего. Растительности нет, животный мир, видимо, тоже отсутствует. Но мы настолько быстро проносились мимо всего вокруг, что окончательных выводов я делать не спешил. В деталях рассмотреть местные реалии никак не удавалось.

А иногда мы летели прямо в черноту опустившихся до земли туч. И тогда вокруг оживали картины той самой «разгрузочной» – непроглядный мрак, всполохи, периодически зарождающийся и угасающий свист. «Надо признать, довольно оживлённое тут движение, – подумалось мне. – А я-то по наивности своей за чистую монету принял возможность нападения какой-то жуткой твари. Вот и ещё один пункт на заметку о неведомых мирах: пока точно не разобрался, что к чему, не принимай поспешных решений. Интересно, а из лучемета-то я во что палил? Стоило ли? Наверное, да. Зачёт-то за «разгрузочную» поставили».

Наконец, когда мы приблизились к очередному скоплению загогулин, движение платформы стало замедляться и она плавно причалила к одному из шестов. И мы с удивлением увидели перед собой город.

Вертикальные металлические столбы здесь высились рядами на одинаковом расстоянии друг от друга. Все они были соединены между собой нитями тросов и удерживались от падения массивными опорами. На том схожесть с первым нашим знакомцем в этом мире – транспортным шестом – и заканчивалась. Опоры жилых шестов отличались удивительным разнообразием. Некоторые из них без сомнения можно было отнести к выдающимся шедеврам искусстваковки по металлу. По мастерству исполнения не отставали от опор и ажурные решётчатые купола, венчавшие шесты. Почему мы решили, что они жилые? Да по той простой причине, что в куполах большинства из них обитал медузоид.

Пока мы зачарованно разглядывали всё это серебристое, влажно поблёскивающее великолепие, от одного из куполов в нашу сторону двинулась платформа. Распластавшийся на ней абориген не сводил с нас своих огромных чёрных глаз. Практически сровнявшись с транспортной опорой, он разверз на желеобразном теле щель рта и незабываемым (для меня по крайней мере) басом прогрохотал:

– Приветствую вас на Прохладе. Спасибо, что не забыл обещания и не стал откладывать его исполнения на потом, Карл.

– Ага, здравствуй и ты, Плювар, – я всё еще не мог отойти от того факта, что мягкотелые обитатели столь невзрачного мирка оказались непревзойденными металлургами и архитекторами.

– Немного удивлён увиденным? – булькнул смешком медузоид.

– Признаться, сильно огорошен, – честно признался я.

– А ты, Даша, каким находишь наш город? Чудесен, не правда ли? – Плювар уставился уже исключительно на мою напарницу.

– Я в полном восторге! От города. Но не от мира в целом, – уточнила та.

– Вот в том-то и беда... В том-то и беда, – сокрушенно пробасил Плювар. – Мало симпатий вызываем у других что мы сами, что мир наш. В том-то и беда... – зачем-то ещё раз повторил медузоид и, всколыхнувшись всем телом, бодро закончил: – Ну что, гости желанные, прошу в мои покои!

Мы перешли на платформу Плювара и заскользили к его дому. Надо сказать, что он был совершенно не приспособлен для человека. В точном соответствии с тем, как это выглядело со стороны, жилище медузоида была абсолютно пустотелым. Видимо, из большого уважения к нам в него загнали ещё две платформы, чтобы каждый мог с относительным комфортом разместиться на листе личного куска железа.

– Вот видите, как мало мы приспособлены к приёму гостей, – повинулся хозяин дома. – Признаться, даже угощения никакого преподнести вам не могу. Только будру. Этот напиток – единственное, что мы производим. В остальном нам довольно влаги, которой вокруг в избытке, да того, что непосредственным образом из почвы в себя втягиваем. Уж не обессудьте за физиологические откровения.

– Да что Вы, нам очень интересны подробности вашего быта, – заверила медузоида Даша.

Я же рискнул попробовать будры. На наших платформах стояло по чеканному кувшину и бокалу. Я плеснул в свой оранжевого цвета жидкость и незаметно провёл над ней закреплённым на запястье браслетом-анализатором. Ничего опасного тот не показал. Рискнул сделать глоток:

– М-м-м, совсем недурно! – похвалил я. Будра была приятна на вкус и больше всего походила на квас, сдобренный нотками яблочной свежести. – А за еду не беспокойтесь, уважаемый Плювар. У нас всё с собой. Мы и в самом деле перекусим, а Вы пока поведайте нам о своих заботах, хорошо? – С этими словами я принялся распаковывать сух-паёк. Даша последовала моему примеру.

Плювару, видимо, не пришёлся по душе вид того, как мы принялись поглощать пищу. Он передёрнулся всем телом и, явно стараясь не глядеть в нашу сторону, начал свой рассказ:

– Как вам известно, мы совсем недавно приобщились к межмирной Сети, – я согласно промывчал в ответ – рот занят – и утвердительно кивнул головой. – Разведчики Конторы пришли к нам три года назад. Вначале визитёры других миров баловали нас вниманием, но вскоре их интерес сошёл на нет. Это и понятно. Прохладе нечего предложить ни для обмена, ни для торговли. Да и курортным наше местечко не назовёшь.

Плювар раскатисто рассмеялся, но в смехе этом было больше грусти, чем веселья.

– Только Контору и удалось хоть как-то заинтересовать. Хотя бы в использовании совсем уж заброшенных мест нашего мира в качестве одного из филиалов полигона. Да и моя скромная персона ангажируется в «разгрузочной» в качестве живого примера людской несхожести. Если бы не это, опять в полном одиночестве остались бы. А нам так нужна помощь! – в голосе медузоида прорезалась крайняя степень отчаяния.

– Ага... Так вы действительно нуждаетесь в поставках запчастей? – я попытался развернуть рассказ Плювара в сторону конкретики. – Но насколько я понял из увиденного, ваша сеть сообщений находится в прекрасном состоянии и очень проста в техническом исполнении.

– Как приводятся в движение платформы, ты тоже понял? – Дашин вопрос поставил меня в тупик, но ответить я на него не успел, поскольку Плювар с нетерпением и даже некоторым раздражением прервал назревающий диспут.

– Да нет же! – воскликнул он. – Дело совершенно не в нашей системе сообщения! Речь идёт о судьбе нашего мира. Он на крайней стадии умирания!

– А вот с этого места поподробнее, – задумчиво протянула Даша.

По телу медузоида вновь пробежала волна дрожи. И когда она унялась, Плювар смущённо изрёк:

– Вы извините. Мы совершенно не умеем общаться с представителями других миров. Между собой-то практически не разговариваем. Каждый в своём куполе замкнулся. А некоторым до того всё безразлично стало, что в конец одичали. Сосед мой, например. Свалился как-то с платформы и пополз неизвестно куда. Видимо, давно уже превратился в одного из тех, кем пугают курсантов на вашем полигоне.

– А Даша говорила мне, что эти твари – плод неудачного научного эксперимента, – я с укоризной глянул на напарницу. Та пожала плечами, всем своим видом показывая, что сама в недоумении.

– Мы решили, что всей правды сразу говорить не стоит. Вряд ли Контора согласилась бы арендовать пропащие пустоши, зная, что в них обитают наши одичавшие сородичи. И тогда оборвалась бы последняя ниточка, связывающая нас с надеждой на помощь, – тело медузоида вновь начало содрогаться. «Плачет он, что ли?» – подумалось мне.

– Уважаемый Плювар, а может всё-таки перейдём к сути ваших проблем? – осторожно попросил я.

И Плювар поведал нам историю своего мира. В кратком изложении.

Согласно легендам, некогда Прохлада полностью соответствовала своему названию. Это был цветущий мир, изобиловавший реками, озёрами и морями. Населяли его обычные люди («выглядели они в точности как вы», – так описал их Плювар). Жизнь их была проста и безоблачна. И мир этот общался с соседними, во многом ему подобными. Но однажды пришла беда. На Прохладу низринулась орда жутких тварей, принявшихся истреблять всё живое на своём пути. Обитателям Прохлады удалось объединиться и дать монстрам бой. Кровожадные пришельцы были истреблены. Но не успела Прохлада залечить раны, нашествие, повторилось. А потом ещё раз. И ещё...

И тогда оставшиеся в живых люди нашли себе убежище в водах Прохлады. Монстрам было не достать их в речных и морских глубинах. И они перестали беспокоить Прохладу. А коренные обитатели этого мира сумели так изменить себя, что надолго выходить обратно на сушу им уже и не хотелось.

Ещё какое-то время обитатели Прохлады продолжали возделывать поля, добывать руды, ремесленничать. Даже построили на высоких опорах уникальную сеть убежищ и сообщения между ними, чтобы спастись от нападения, пребывая на суше. Однако те глубинные физиологические перемены, что они запустили в себе, в итоге изменили жителей Прохлады до неузнаваемости. Им уже ни к чему была ни твердь земная, ни её дары. Упростившимся телам достаточно было питаться водой, впитываемой через поры. Тем же способом поглощалась из почвы и органика, всё же необходимая для обеспечения нормальной жизнедеятельности мутировавших прохладцев.

Минимализм запросов породил уйму свободного времени. Не испытывающие ни в чём нужды, избавленные практически от всех забот и тягот обустройства своей жизни прохладцы просто наслаждались ею. Население росло бешеными темпами. И настал тот день, когда грянула катастрофа.

Воды попросту стало не хватать. Ни для жизни, ни для пропитания. Начался мор и глад. Выпивая до последней капли водоём за водоёмом, обитатели Прохлады вынужденно возвраща-

лись к сухопутной жизни. Стремление теперь было только одно – выжить. Убежища заселили, поскольку иных комфортных для проживания мест не осталось. Мир постепенно превратился в душную и безжизненную слякотную пустыню. Те из прохладцев, что не смогли сохранить рассудок, ползали по нему, пожирая всё на своём пути. Безмерно раздавались в объёмах, а от этого становились ещё более ненасытными.

– Но ведь ваш мир буквально из одной влаги и состоит! – недоуменно воскликнул я, когда Плювар закончил поразительное повествование. – Чего же вам не хватает?

– Хотя бы дождя, – горестно пробасил медузоид.

– Что, дождя? – недоумённо переспросил я. – Да у вас столько «беременных» облаков – на пару приличных потопов хватит!

– А дождя нет. Не идёт. Все моря и реки нашего мира вот они – висят над поверхностью и отчего-то не хотят вернуться в свои ложа и русла, – Плювар зачарованно смотрел на тяжёлые грозовые тучи сквозь ажурные переплетения купола. – Мы даже не помним, как светило наше выглядит. А явись оно, очистись небосвод, и ожил бы наш мир. Зацвёл бы вновь. А мы, наученные горьким опытом, постарались бы не повторить прежних ошибок.

– А знаете, уважаемый Плювар, возможно я знаю, как вам можно помочь, – Даша была задумчива, но явно чем-то воодушевлена. – В моём мире умели разгонять облака. При необходимости их могли заставить пролиться дождём. Надо спросить у Ярослава – может и инженерам Конторы известны эти технологии.

Медузоид заколыхался всем телом. Даже не пытаясь унять охватившую его дрожь, он взволнованно воскликнул:

– Вы дали мне гораздо больше, Даша, чем я ожидал от этого разговора! И если всё получится, клянусь, все ценности Прохлады, что бы Вы таковыми не сочли, будут Вашими!

– Поосторожнее с обещаниями, – обронил я и спросил у напарницы: – Ну что, на этом можно и закругляться?

Плювар на этот раз проводил нас до самого портала перехода на Контору, но с нами прыгать отказался. Сослался на то, что хочет оповестить сограждан о возможном скором излечении родного мира.

Вернувшись с Прохлады, мы первым делом бросились в свои комнаты. «В душ! Переодеться!», – скомандовала Даша. И это был лучший приказ из тех, что я получал за всю свою жизнь.

Уделив этим незамысловатым процедурам полновесных полчаса – уж больно не хотелось выбираться из настоящей прохлады душевой, – мы отправились на доклад к начальству. Выслушав наш отчёт, Ярослав на некоторое время погрузился в размышления. Мы с Дашей в этот процесс не вмешивались, просто сидели и наслаждались нормальностью климата.

– Весьма поучительно, – изрёк наконец Ярик.

– Что именно? – поспешил поинтересоваться я, заметив, что наш многомудрый друг готов снова нырнуть в пучину раздумий.

– А? – вернулся тот к реальности. – Я о том, что нельзя к мирам подходить с одной меркой. И о том, что уж если решили приобщить к Сети, то нужно досконально изучать реалии новооткрытого мира. Опростоволосились мы с Прохладой. Так сказать, сели в лужу. Уму непостижимо, насколько поверхностными оказались мои представления о ней!

– Так им можно как-то помочь? – прервала Даша поток самокритики начальства.

– Надеюсь, да, – не торопился обнадеживать нас Ярик. – Теми технологиями, о которых ты, Даша, упоминала, мы владеем. Есть и другие, более радикальные способы исправления ситуации на Прохладе. Полный терраформ, например. Долго и затратно, но на сто процентов эффективно.

– Как думаешь, почему тучи у них никак не могут разродиться? – поинтересовался я.

– Надо разбираться. Насколько я понял из вашего доклада, на Прохладе одинаково душно что на поверхности, что наверху, под самыми облаками. Разница температур в нижних и верхних слоях атмосферы отсутствует. К тому же постоянный поток встречных испарений очень силён... В общем, не берите в голову, разберёмся. Как разведчики вы со своей задачей справились. Теперь наша очередь.

– Кстати, обратите внимание на их металл, – решаюсь добавить я к уже сказанному ещё одно наблюдение.

– Я уже подумал об этом, – заверил меня Ярик. – Довольно интересный сплав удалось изобрести предкам этих медузоидов. Металл, на протяжении многих веков совершенно не поддающийся влиянию столь агрессивной среды, – это действительно нечто уникальное. Так что даже не сомневайся – теперь мы уделим этой Прохладе самое пристальное внимание. И спасибо тебе, Карл, что столь щепетильно относишься к собственным обещаниям. А теперь – отдыхать. Как-никак утром вам снова отправляться в экспедицию.

«Ангел?» – вспоминаю я о своём опекуне, который до сих пор так и не удосужился объявиться.

«Да, Карл. Здравствуй! С успешной миссией! И – до завтра», – телеграфно отчеканил ангел мой и был таков.

Ну что ж, до завтра, так до завтра.

Глава третья

Там, за горизонтом

В отраженьи воды

Чьи-то тени плывут.

Этот мир – вне беды,

Мудрый мир вечно юн.

Да уж, переход – это нечто особенного. Далеко ведь не первый раз прыгаю, но всё никак не могу свыкнуться с обескураживающим сонмом сногшибательно-зубодробительных ощущений.

– Даша, ты как? Где это мы?

– Сама здесь впервой, представляешь?

– Ага, извини. Что это я, в самом деле... Двигаем или осмотримся?

– Осмотримся.

Торопиться-то и вправду некуда. Да и незачем.

По ощущениям сижу на мягком ковре. Не сижу даже – утопаю в комфортной роскоши. Оглушенные переходом органы чувств постепенно возвращаются к жизни. И мне начинает здесь нравиться. Заповедный сосновый бор – чистый и благородный во всём своём великолепии. Птички поют залиристо и звонко. Бодрит и слегка опьяняет тонкий аромат хвои, смолы и первозданной свежести.

Но ангел мой, чувствую, встревожен.

«Что-то не так, ангел?»

«Пока не знаю. Хрста».

«Будь здоров».

«Имя моё – Хрста. А о здоровье моём не беспокойся».

«Что ж, приятно познакомиться. Чем заслужил столь высокое доверие?»

«Нет в этом твоей заслуги. Время пришло».

Вот и разрядил обстановку дружеской шуткой. Что же это с ангелом происходит? Ух, какой серьёзный.

«Ангел... Извини, Хрста. Тебе здесь что-то не нравится?»

«Всё нравится. Не отвлекай меня».

– Даша, похоже у нас проблемы, – задумчиво протянул я.

– Похоже. И весьма серьёзные. Если уж Хрста в растерянности, нам впору врубить тревожную сирену на всю громкость. Так что – двигаем, – скомандовала Даша и крадучись двинулась вперёд.

Я же, напротив, застыл в оцепенении:

– Стой! Проясни-ка – ты что, с моим ангелом знакома?

– И гораздо дольше, чем ты. Вставай и идём. Быстро, но скрытно. Остальное – потом.

«Хрста!» – по-прежнему не двигаясь с места, отчаянно я воззвал к опекуну.

«Командир сказал тебе – двигаем. Значит, двигаем. И – да. Я и её ангел тоже».

И ангел – один на двоих. И неведомый мир впереди... Какой чудесный образ вырисовывается. Да, есть над чем подумать. Как-нибудь на досуге. Если, конечно, доведётся.

Впрочем, чуйка мне подсказывает, что беспокоиться не о чем. Изначальное очарование новым миром слегка приугасло, но ощущение благолепия местечка меня лично так и не покинуло. Пусть они себе тревожатся, а я вот, хоть убей, опасности не чувствую.

Под эти мысли скольжу от одного дерева к другому. Сосны вольготно растут на почтительном расстоянии друг от друга, местность проглядывается в кристально чистом воздухе на многие метры вперёд. Откуда-то справа всё более настойчиво манит хрустальным перезвоном шум воды. Делаю Даше знак и начинаю двигаться в том направлении.

Миновав небольшой взгорок, вижу впереди две практически соприкасающиеся кронами сосны. Между ними из-под земли бьёт ключ. Игра света и капель воды повисает в воздухе дрожащим маревом завесы над зарождающимся ручьём. Ух, красотища! Интересно, а на вкус какво? Двигаясь к ключу, активирую анализатор. Даша одобритительно кивает.

Странная какая-то завеса. Чем ближе, тем более плотной она выглядит, а на расстоянии вытянутой руки – так и вовсе почти материальной. Так, берём пробу.

«Стой!»

Поздно, ангел мой. Завеса мёртвой хваткой вцепляется в руку и бесцеремонно вышвыривает в неведомые дали. Два перехода меньше чем за полчаса. Явный перебор. Ощущение, что разлетелся на атомы и парю весь из себя такой невесомый над... А над чем, собственно?

Пытаюсь найти в себе, растёкшемся в пространстве, глаза и сфокусировать взгляд. Да ни над чем я не парю. Сижу посреди чьей-то гостиной в весьма удобном кресле. Напротив приветливо полыхает камин. А надо мной, беззвучно шевеля губами, склонилась красноглазая морда. Ба, и кто бы вы думали это? Господин Крестовский собственной персоной. Немое и сильно замедленное кино начинает обретать черты реальности – ускоряться и наполняться звуками. И, наконец, голос знакольца по «разгрузочной» проникает в моё сознание.

– Ка-а-а-арл! Ка-арл! Карл!

– Да всё, не тряси меня как грушу, нет на мне плодов, – я попытался сбросить со своих плеч руки Крестовского, но не успел. Тот сам уже оставил меня в покое и уселся в соседнее кресло.

– Слава Дрёме, пришел в себя. Ты как здесь оказался? – Вася выглядел совершенно ошарашенным и нисколько этого не скрывал.

– Случайно. Не туда ручонку протянул, – коротко обронил я, всё ещё приходя в себя.

– Хоть представляешь себе, во что вляпался, лакомый ты мой? – голос Крестовского звучал вроде бы участливо, но совершенно не успокаивал.

– Э-э, потише, – я осторожно потянулся к вещмешку.

– Да успокойся. Я-то тебя не трону. Так сказать, по старой дружбе. Коль скоро однажды обещал, на попятную не пойду, – Крестовский улыбнулся и тут же напомнил о нашем общем интересе. – Кстати, в экспедиции? Значит и спичками экипирован?

– В разведке. Первой. А пара-тройка коробков у меня с собой всегда есть. Держи, – я наконец закончил манипуляции с вещмешком и выудил из него трофей для Васи.

– Ух ты! Потряс! Вселопай от зависти клыки сточит, – Крестовский с жадностью принялся изучать новобранца своей коллекции.

– Кого лопай? – недоумённо переспросил я.

– На последнем слоге ударение. Вселопай. Но это ты верно подметил – лопает он всё подряд. У него даже огород есть, – хохотнул Вася.

– И что возвращает? – наша беседа приняла совсем уж дружеский тон, и я окончательно успокоился. Пока что пронесло. Хоть я, судя по всему, и попал куда не следовало – в вамп-мир – в ближайшее время опасность мне явно не грозила. И на том спасибо.

– А всё, что покраснее – свёклу, помидоры, – продолжая благодушно посмеиваться и изучать коробок ответил Крестовский. – Даже морковку. И ест плоды труда своего. Морщится, но ест. На то ведь он и Вселопай-шалопай... Что-то не туда мы зарулили. За спички – оно, конечно, благодарствую. Но с тобой как дальше быть – вот о чём кумекать надо, – Вася бережно отложил коробок на стоявший между нами столик и вновь уставился на меня.

– Назад путь искать. Надеюсь, Даша за мной сломя голову не бросится, – тревога накатила с ещё большей силой. Вот же дурак! Ладно сам опять вляпался в неприятности. Так теперь и Даша может из-за меня пострадать. Ей ведь тоже нельзя в вамп-мирах появляться!

– Так. Ещё и огонь-девка, ни к обеду будь она упомянута, на горизонте нарисовалась, – заворчал Крестовский. – Значит, и Хрста – как тут без него, кола осинового... Ох, и втравил ты меня в историю, парень! Ну, бай историю свою. Хоть знать буду, за что под рассвет меня подводишь.

Рассказ мой много времени не занял, но Васю привёл в такое возбуждение, что он пару минут нарезал замысловатые фигуры по гостиной, полностью игнорируя горизонтальное направление. То есть бегать он предпочитал преимущественно по стенам и потолку. Ну а мне-то что – опять же его мир, его право. Я втихомолочку попытался было пристроиться и вслед за Крестовским по стеночке взойти столь же легко и изящно. Нет, не вышло. Не дано мне. Зато мне и в гробу спать нет нужды. Хотя кто его знает, может сказки всё это, и ни в каких гробах вампиры не спят.

– А вот это, хвала Дрёме, в корне меняет дело, – Вася угомонился как-то в один миг и спокойно уселся в своё кресло. – Теперь мою байку слушай. Есть у нас такая легенда – о Семивратье. Месте, где никто не живёт – травки-пташки, а больше ни букашки, – но из которого можно попасть в любой мир. Живём мы, как ты знаешь, долго. Не так долго, как сородичи Хрста твоего, но в сравнении с вами...

– Притормози-ка малость, – замахал я руками на разговорившегося Крестовского. – Я, конечно, не зелёный юнец. Но моя осведомленность об *иных* мирах и их обитателях, мягко говоря, оставляет желать лучшего. А в *ваши* мне и вовсе путь заказан. Был. Так что подробности не помешают. Или у нас времени в обрез по неведомым мне причинам?

– Если сотоварищи твои горячку пороть не станут – а Хрста точно не станет, – то спешить нам абсолютно некуда и незачем. Рассвет-то только миновал, – Вася ненадолго замолк, словно собираясь с мыслями и вскоре продолжил. – Но и ликбез я тебе устраивать не нанимался. Пусть Контора, да сама жизнь образованием твоим занимаются. Но что дела касается, обрисую поподробнее, так уж и быть. Только постарайся не часто перебивать, а то я от чрезмерной болтовни проголодаться быстро могу.

– Лады, – утвердительно кивнул я.

Крестовский поёрзал в кресле, устраиваясь поудобнее, поняв, что беседа короткой не будет, и размеренным тоном принялся просвещать мою особу:

– Ну, суть ты уловил. Долго мы живём. И такая уж нужда вышла, что периодически кто-нибудь на столетие-другое отправлялся на поиски Семивратья. Многих наша раса потеряла в этих поисках, но и много знаний накопила. Главное из них, хоть и обескураживающее, – нет нам доступа к Семивратью. Оно, видать, и правильно. Это сейчас мы и у рассветных контракты

берём (вашу породу мы так называем), и к себе по делам, да и просто пожить пускаем. Иные, вишь вон, уже и морковку за милую душу хрумкают. А раньше-то пустить нас в миры рассветные было – что козла в огород, как у вас говорят.

– Да не говорят у нас так... – запротестовал я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.